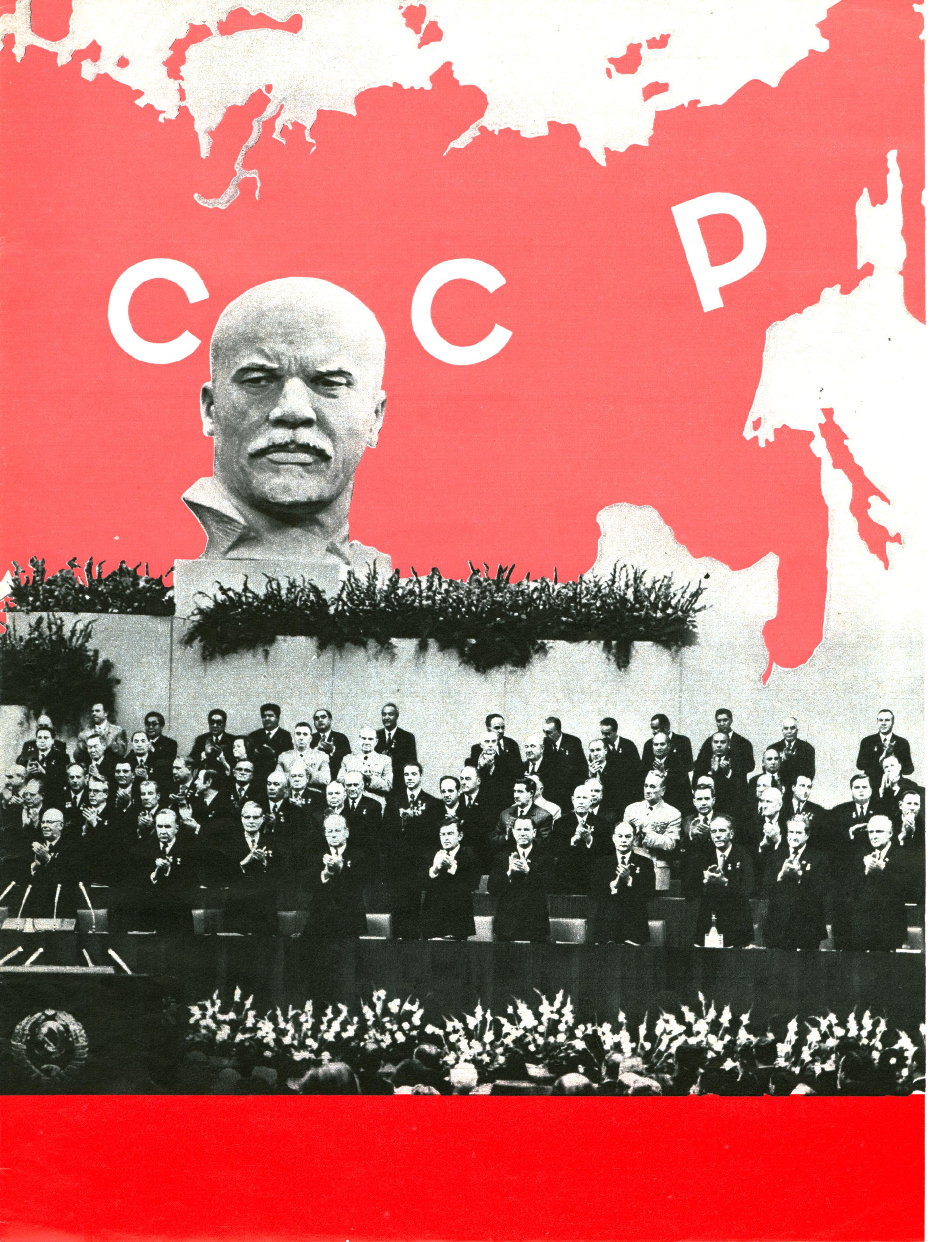

С Новым годом!
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

21—22 декабря 1972 года в Москве в Кремлевском Дворце съездов состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

На снимке: Президиум совместного торжественного заседания.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

С С С Р

С большим вниманием слушали участники торжественного заседания доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (2374)

1 ЯНВАРЯ 1973

Создание СССР было прямым продолжением дела Великого Октября, открывшего новую эру в развитии человечества, практическим воплощением идеи великого Ленина о добровольном союзе свободных наций.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР.

В обстановке всеобщего политического и трудового подъема наш народ торжественно отпраздновал 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Вместе с советскими людьми славную дату отметили братские народы социалистических стран, миллионы трудящихся на всех континентах планеты, все прогрессивное человечество.

21—22 декабря в Москве состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР.

Горячими, долго не смолкающими аплодисментами участники торжественного заседания и многочисленные гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, В. В. Щербицкого, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Вместе с ними в президиуме — тепло встреченные собравшимися главы партийно-государственных делегаций социалистических стран: товарищи Т. Живков, Я. Кадар, Чыонг Тинь, Э. Хонеккер, Цой Ен Ген, Фидель Кастро Рус, Ю. Цеденбал, Э. Герек, Н. Чаушеску, Г. Гусак, Р. Дугонич, руководители делегаций братских партий: товарищи Жорж Марше, Энрико Берлингуэр, Уильям Каштан, Нгуен Тхи Бинь, Алваро Куньял, Курт Бахман, Родней Арисменди, Луис Карлос Престес, Хесус Фариа, Кнуд Есперсен, Ш. А. Данге, Долорес Ибаррури, Халед Багдаш, Гэс Холл и Генри Уинстон, Аарне Сааринен.

Здесь же — главы приглашенных на празднование 50-летия Союза ССР правительственных делегаций: Президент Финляндской Республики Урхо Кекконен, вице-президент Индии Г. С. Патхак, Генеральный секретарь правительства Республики Чили Эрнан дель Канто, министр судоходства и туризма Республики Шри Ланка П. Б. Г. Калугалла и другие.

В президиуме торжественного заседания — ветераны партии, участники I Всесоюзного съезда Советов, передовики промышленности и сельского хозяйства, видные деятели науки и культуры, советские военачальники.

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ СССР

Делегат Первого Всесоюзного съезда Советов, член КПСС с 1915 года В. П. Виноградов беседует с ветеранами революции. Тепло было встречено его выступление с трибуны торжественного заседания.

Слесарь-сборщик ленинградского завода «Большевик» П. Н. Иванов и скульптор Н. В. Томский.

Приветствует делегация Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Вступительным словом совместное торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Н. В. Подгорный.

С докладом «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев. В докладе содержится глубокий марксистско-ленинский анализ исторического развития многонационального Советского государства, воплощения партией и народом в жизнь принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма. Доклад дает яркую картину всемирно-исторических достижений Союза ССР, раскрывает стоящие перед ним задачи, перспективы коммунистического строительства. В нем всесторонне охарактеризована современная международная обстановка и роль Советского Союза как надежного оплота борьбы народов за мир, национальную независимость и социализм. Положения и выводы этого доклада представляют собой новый творческий вклад в теорию марксизма-ленинизма, обогащают опыт международного коммунистического движения.

Участниками торжественного заседания были горячо встречены приветствия от всех пятнадцати союзных республик, выступления глав партийно-государственных делегаций социалистических стран, руководителей делегаций братских партий, глав правительственных делегаций, приглашенных на празднование 50-летия Союза ССР.

Со словами приветствия к Центральному Комитету КПСС, Верховному Совету СССР, Верховному Совету РСФСР обратились представители славной советской молодежи — комсомольцы и пионеры из всех союзных республик. Они вручили рапорт Ленинского комсомола в честь 50-летия со дня образования Союза ССР.

Бурными аплодисментами встретили участники торжественного заседания делегацию Советской Армии и Военно-Морского Флота, передавшую сердечное приветствие от имени всех советских воинов.

Участники торжественного заседания с большим воодушевлением единогласно приняли обращение «К народам мира».

* * *

20 декабря руководители Коммунистической партии и Советского государства посетили Мавзолей В. И. Ленина и возложили венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства минутой молчания почтили память вождя и учителя, основателя первого в мире государства рабочих и крестьян, вдохновителя и организатора

Первый секретарь Чувашского обкома КПСС Н. А. Вороновский и писатель Чингиз Айтматов.

На торжественном заседании присутствовали представители всех союзных республик.

Писатели М. Алексеев, А. Иванов, В. Кожевников.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА.

Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Г. Т. Береговой среди участников заседания.

Писатели Георгий Марков и Камиль Яшен.

Представители славной советской молодежи вручили рапорт Ленинского комсомола.

Союза Советских Социалистических Республик Владимира Ильича Ленина.

Затем руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства посетили могилу Неизвестного солдата и возложили венок от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Минутой молчания почтили они память героев Великой Отечественной войны, отдавших жизнь за свободу и независимость Советской Отчизны.

Мавзолей В. И. Ленина и могилу Неизвестного солдата посетили и возложили венки делегации союзных республик и партийно-государственные делегации социалистических стран, принимавших участие в торжествах по случаю 50-летия образования СССР, а также делегации, прибывшие в Москву на празднование 50-летия образования Союза ССР.

* * *

Большой театр Союза ССР... В нем 50 лет назад работал I Всесоюзный съезд Советов. Здесь было принято историческое решение о создании союзного социалистического государства, сплотившего в одну дружную семью множество национальностей и народностей. В этом же величественном зале 23 декабря 1972 года состоялось торжественное заседание Московского городского комитета КПСС, Московского Совета депутатов трудящихся совместно с представителями общественных организаций, трудящихся столицы и Советской Армии, посвященное 50-летию образования Союза ССР.

В президиуме заседания — товарищи В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, ветераны партии, новаторы и командиры производства, деятели науки и культуры.

Здесь же — зарубежные гости, прибывшие в нашу страну на празднование 50-летия образования СССР.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии товарищ В. В. Гришин.

Тепло встретили собравшиеся выступления делегата I Всесоюзного съезда Советов М. И. Смирнова, электромонтажницы Московского машиностроительного завода депутата Верховного Совета РСФСР В. Я. Гнетовой, академика Н. Г. Басова.

Участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

Кинорежиссеры С. Бондарчук и С. Герасимов.

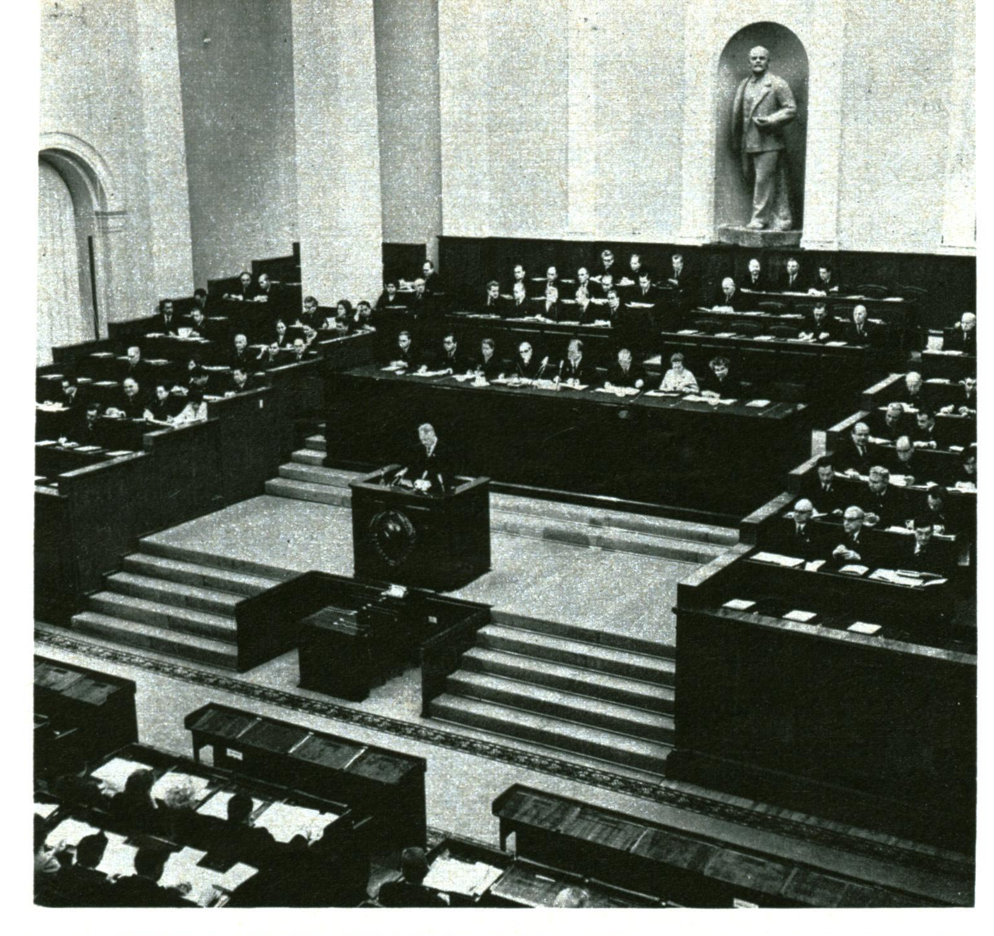

В перерыве.

Писатели А. Кешоков, Р. Гамзатов, А. Калинин.

25 декабря в Большом Кремлевском дворце начала работу четвертая сессия Верховного Совета РСФСР восьмого созыва.

Горячими, долго не смолкающими аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, А. Я. Пельше, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова.

На повестке дня сессии:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1973 год.
2. О Государственном бюджете РСФСР на 1973 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1971 год.
3. Об избрании Верховного суда РСФСР.
4. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

Фото А. ГОСТЕВА.

«АМИСТАД»—ЗНАЧИТ ДРУЖБА!

1 января — красная дата в кубинском календаре, день победы кубинской революции, День освобождения страны. С 1 января 1959 года началась новая история Кубы.

За время, прошедшее с того памятного дня, неузнаваемо изменилась страна. Революция привела к глубоким социальным преобразованиям. Кубинский народ показал, что он способен не только героически защищать революцию, которая сделала его независимым и вывела на путь строительства социализма, но и строить новое общество.

Решать сложные экономические задачи кубинцам помогают советские друзья. В подмосковном городе Люберцы, на заводе сельскохозяйственного машиностроения имени Ухтомского, строятся комбайны для уборки сахарного тростника, в Сантьяго (провинция Орьенте) работает домостроительный комбинат, переданный правительством СССР в дар трудящимся города. В Нуэвитасе советские специалисты помогают кубинцам в строительстве завода азотных удобрений. С помощью азербайджанских нефтяников и геологов на Кубе было открыто несколько перспективных месторождений нефти. Подобных примеров советско-кубинского сотрудничества в самых различных областях экономики, науки и культуры бесчисленное множество. Все они говорят о том, что дружба Советского Союза и Республики Куба успешно развивается. «Мы будем и впредь неустанно трудиться во имя этой дружбы, во имя ее укрепления»,— сказал Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба товарищ Фидель Кастро Рус.

На площади 670 гектаров раскинулся гаванский парк имени Ленина. Эти девушки работают там экскурсоводами.

Фото Л. Шерстенникова.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВ ГНЕВНО ПРОТ

Все советские люди, граждане стран социалистического содружества, прогрессивное человечество планеты решительно осуждают новую эскалацию США воздушного террора против героического народа ДРВ.

Требование положить конец агрессии США против ДРВ, подписать соглашение о восстановлении мира в Индокитае прозвучало в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, в выступлениях советских и зарубежных участников торжественного заседания в Москве, посвященного 50-летию образования СССР. На предприятиях Советского Союза состоялись митинги солидарности с борющимся Вьетнамом. Митинги и демонстрации протеста против новых варварств американской военщины проходят во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Демонст-

На автомобильном заводе имени Лихачева состоялся митинг протеста против эскалации воздушной войны и варварских бомбардировок американской авиацией территории ДРВ.

Фото ТАСС.

ПРЕКРАТИТЬ РАЗБО

Л. ЖАРКОВ,
летчик Аэрофлота, командир корабля

В столицу ДРВ Ханой летчики Аэрофлота доставили немало продовольствия, медикаментов и различного оборудования. Мне тоже приходилось бывать в этом мужественном городе, который американская авиация сейчас варварски разрушает. Воздушные пираты сбросили бомбы на центральную столичную больницу Батьмай. Для этой больницы мы доставляли оборудова-

ЗА МИРНОЕ НЕБ

Е. СОЛОВЬЕВ,
столяр завода «Стройдеталь»

На мирных жителей ДРВ вновь обрушились удары авиации США. Надежда на мир в Индокитае не оправдалась: американская военщина, сорвав переговоры, снова организовала массированные налеты на жилые кварталы и центр

ВО ИМЯ РАЗУ

С. МАРКИНА,
кандидат медицинских наук

Мир в Индокитае, казалось, был уже близок, осязаемо доступен — и снова правительство США торпедировало добрую волю народов. Возобновлением бомбардировок ДРВ американская военщина демонстрирует всему миру политику геноцида против народа, не пожелавше-

О
ЕСТУЕТ

рация американских борцов за мир состоялась перед резиденцией президента США в Ки-Бискейне (штат Флорида). Ее участники передали письмо протеста, в котором миллионы американцев потребовали немедленного прекращения пиратских налетов на ДРВ и подписания соглашения о восстановлении мира во Вьетнаме.

Широкие круги мировой общественности гневно осуждают лицемерие американской дипломатии и требуют безотлагательного подписания соглашения о прекращении войны во Вьетнаме, одобряют справедливые требования правительства ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам о политическом урегулировании вьетнамской проблемы.

ЙНИЧЬИ НАЛЕТЫ!

ние. Я знаю и рабочий район Анздонг. Там, возле домов, всегда играло много ребятишек. И вот на этот район, на ребят, американские летчики обрушили ливень бомб. Я помню тихую, зеленую улицу Ли Тхыонг Киет. На нее тоже упали бомбы, хотя там нет никаких военных объектов.

Я хорошо знаю вьетнамцев. Американской военщине никогда не сломить их мужество, их волю к победе.

Мы требуем немедленно прекратить разбойничьи налеты американской авиации на мирные города ДРВ!

О ВЬЕТНАМА!

Ханоя. Над нами, советскими людьми, небо давно уже стало спокойным, но все мы помним рев фашистских бомбардировщиков, несущих нам смерть в годы Великой Отечественной войны. Сейчас американские бомбы падают на больницы, жилые дома Ханоя. Коллектив нашего завода, как и весь советский народ, требует прекратить кровавые злодеяния в Индокитае! Пусть немедленно будет подписано соглашение о мирном урегулировании во Вьетнаме!

МА И ДОБРА!

го подчиниться воле заокеанских диктаторов.

Мы, работники здравоохранения, боремся за каждую человеческую жизнь, и мы не можем спокойно наблюдать за массовыми убийствами мирных жителей Вьетнама. Ни одна самая страшная инфекционная болезнь не может сравниться с теми злодеяниями, которые творит во Вьетнаме американская военщина. Во имя разума и добра, во имя человечности мы требуем прекратить войну!

Андрей Николаевич ТУПОЛЕВ

23 декабря 1972 года в Москве на 85-м году жизни после тяжелой болезни скончался крупнейший авиационный конструктор, депутат Верховного Совета СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, генерал-полковник-инженер, академик Андрей Николаевич Туполев.

В лице А. Н. Туполева страна потеряла выдающегося конструктора и ученого, одного из основателей отечественного самолетостроения.

А. Н. Туполев родился 10 ноября 1888 года в селе Пустомазово, Тверской губернии, в семье нотариуса, окончил гимназию в г. Твери и в 1908 году поступил в Московское высшее техническое училище, где активно работал в воздухоплавательном кружке под руководством крупнейшего ученого Н. Е. Жуковского и стал одним из ближайших его учеников, посвятив всю свою жизнь развитию авиации.

После окончания в 1918 году Московского высшего технического училища А. Н. Туполев вместе с Н. Е. Жуковским стал организатором и одним из руководителей Центрального аэрогидродинамического института, ставшего крупнейшим мировым центром авиационной науки.

Свою многолетнюю выдающуюся конструкторскую деятельность А. Н. Туполев начал в 1922 году в ЦАГИ, возглавив группу специалистов и начав работы по созданию своего первого легкого одноместного самолета АНТ-1, а затем первого в стране цельнометаллического пассажирского самолета АНТ-2. Обладая исключительным даром научного предвидения, А. Н. Туполев правильно оценил перспективы развития цельнометаллического самолетостроения и в дальнейшем создал целую плеяду широко известных пассажирских и военных самолетов, на которых были совершены выдающиеся перелеты и установлены мировые рекорды. На одномоторном самолете АНТ-25 впервые в мире в 1937 году были совершены беспосадочные перелеты из СССР в США через Северный полюс, на четырехмоторных самолетах АНТ-6 была высажена в 1937 году первая экспедиция на Северный полюс. Военный вариант этого самолета — ТБ-3 сыграл большую роль в развитии тяжелых дальних бомбардировщиков. Выдающимся достижением была постройка в 1934 году крупнейшего в мире пассажирского самолета «Максим Горький». Созданные А. Н. Туполевым пикирующие бомбардировщики ТУ-2 широко применялись в Великой Отечественной войне.

В послевоенные годы под руководством академика А. Н. Туполева создан целый ряд выдающихся самолетов для Советской Армии и гражданской авиации. Всему миру известны первые реактивные пассажирские самолеты ТУ-104, за которыми последовали самолеты ТУ-124, ТУ-134, ТУ-154 и сверхзвуковой пассажирский самолет ТУ-144.

А. Н. Туполев был крупнейшим ученым и конструктором, обладавшим исключительным качеством и способностью сочетать глубокие теоретические исследования с практическим их претворением в конструкциях новых самолетов. Одновременно он был талантливым организатором, умевшим увлечь не только своих ближайших помощников, но и весь коллектив конструкторского бюро и завода на претворение в жизнь своих творческих идей. Андрей Николаевич пользовался огромным авторитетом, большим уважением и любовью у всех, кто с ним работал.

За свою пятидесятилетнюю конструкторскую деятельность А. Н. Туполев воспитал многих выдающихся советских авиационных конструкторов, а также многочисленные кадры ученых, конструкторов и инженеров, работающих ныне во многих организациях авиационной промышленности.

А. Н. Туполев активно участвовал в общественно-политической жизни страны, с 1950 года являлся депутатом Верховного Совета СССР, был членом Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР, председателем правления Общества советско-болгарской дружбы.

Плодотворная деятельность Андрея Николаевича Туполева во имя нашей Родины заслужила признательность советского народа и была отмечена высокими правительственными наградами.

За выдающиеся заслуги перед Родиной в создании и развитии советской авиации он был трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда, звания лауреата Ленинской и Государственных премий, награжден многими орденами и медалями Советского Союза.

Память о выдающемся конструкторе самолетов Андрее Николаевиче Туполеве — пламенном патриоте социалистической Родины, посвятившем всю свою жизнь развитию авиации нашей страны, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. Брежнев, Г. Воронов, В. Гришин, А. Кириленко, А. Косыгин, Ф. Кулаков, Д. Кунаев, К. Мазуров, А. Пельше, Н. Подгорный, Д. Полянский, М. Суслов, А. Шелепин, П. Шелест, В. Щербицкий, Ю. Андропов, П. Демичев, П. Машеров, Б. Пономарев, Ш. Рашидов, М. Соломенцев, Д. Устинов, В. Долгих, И. Капитонов, К. Катушев, В. Кириллин, В. Новиков, Л. Смирнов, М. Георгадзе, И. Сербин, П. Дементьев, А. Гречко, Б. Бугаев, С. Афанасьев, В. Бахирев, Б. Бутома, С. Зверев, В. Калмыков, Е. Славский, А. Шокин, В. Рябиков, М. Келдыш, Н. Савинкин, И. Якубовский, В. Куликов, С. Соколов, А. Епишев, П. Батицкий, С. Горшков, П. Кутахов, В. Толубко, И. Павловский, Н. Алексеев, В. Промыслов, М. Смиртюков, Л. Греков, С. Кадышев, В. Казаков, М. Михайлов, П. Сухой, В. Мясищев, С. Ильюшин, А. Яковлев, О. Антонов, Р. Беляков, Г. Новожилов, Г. Свищев, С. Туманский, А. Люлька, Н. Кузнецов, А. Архангельский, Н. Базенков.

ГЭС «Железные ворота». Ее сооружали румынские, югославские и советские специалисты.

Фото Аджерпресс — ТАСС

25 ЛЕТ НАЗАД, 30 ДЕКАБРЯ 1947 ГОДА, РУМЫНИЯ БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

ШАГИ В БУДУЩЕЕ

Михаил РОШИАНУ, член ЦК РКП, депутат Великого Национального Собрания, председатель Генерального совета Румынского общества дружественных связей с Советским Союзом.

Со дня провозглашения Румынии народной республикой исполняется 25 лет. Упразднение монархии и переход всей государственной власти в руки трудящихся явились актом исторического значения в жизни страны. Осуществилось то, во имя чего боролись передовые силы румынского общества во главе с коммунистической партией.

Начался новый, высший этап в развитии государства, в развитии народной революции. За четверть века социализм полностью и окончательно победил в нашей стране, открыв эпоху быстрого прогресса во всех областях жизни. Высокими темпами развивались производительные силы страны на основе социалистической индустриализации, непрерывного прогресса кооперативного сельского хозяйства и роста материального и культурного уровня жизни трудящихся.

Трудящиеся стали подлинными хозяевами своей страны, все более активно участвуя в управлении. Достигнутые успехи убедительно свидетельствуют о высокой созидательной роли нового, социалистического государства, которое под руководством РКП мобилизовало энергию и творческие способности масс для экономического, социального и духовного подъема родины.

В последнее время румынский народ единодушно ответил на призыв Генерального секретаря РКП товарища Николае Чаушеску на Национальной конференции партии досрочно выполнить задачи нынешнего пятилетнего плана. Будут созданы условия для того, чтобы в последующие 10—15 лет Румыния поднялась на высокий уровень экономического, научного и культурного развития, вступив в ряды развитых стран мира, причем главной целью будет и впредь неуклонное повышение жизненного уровня населения.

Достигнутые успехи, светлые перспективы, открывающиеся перед румынским народом на нынешнем этапе, неразрывно связаны с деятельностью РКП, которая с честью выполняет свою миссию руководящей силы общества. Последовательно борясь за осуществление принципов социалистической демократии и социалистического гуманизма, Румынская коммунистическая партия оказывает огромное воздействие на всех членов нашего общества.

Социалистическая Румыния отмечает свой большой юбилей одновременно с празднованием народами Советского Союза 50-летия образования первого в мире социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик.

Румынский пролетариат, революционные и прогрессивные силы нашей страны с энтузиазмом приветствовали победу пролетариата России, создание первого социалистического государства, доказав на деле свою солидарность. Румынская коммунистическая партия с первого же момента своего создания твердо и последовательно выступала за поддержку первого в мире социалистического государства, за укрепление братской дружбы между нашими странами.

В годы второй мировой войны, в трудных условиях жестокой диктатуры Антонеску, РКП возглавляла движение национального сопротивления, сплотив воедино все демократические, антифашистские силы.

Румынский народ питает глубокую признательность и дает высокую оценку Советскому Союзу, его доблестным армиям, которые сыграли решающую роль в освобождении Румынии и в спасении человечества от величайшей угрозы — фашизма.

После победы национального вооруженного восстания 23 августа 1944 года румынская армия совместно с воинами Советской Армии вела тяжелые бои за освобождение всей территории своей родины, Венгрии и Чехословакии вплоть до окончательной победы над гитлеровской Германией. В совместных боях еще более упрочилась дружба между нашими двумя народами.

После установления народной власти эта дружба и братский союз были поставлены в центр внешней политики Румынии. В годы социалистического строительства эта братская дружба и сотрудничество были подняты на более высокую ступень. Широкий размах приобрели экономические и научно-технические отношения.

Так же активно развивается и обмен в области образования, литературы и искусства.

12 ноября 1944 года в нашей стране было основано Румынское общество дружественных связей с Советским Союзом — АРЛУС.

Наряду с другими учреждениями и организациями и в тесном сотрудничестве с Обществом советско-румынской дружбы АРЛУС проводит обширную работу, помогая широким массам трудящихся Румынии познакомиться с советской действительностью, с достижениями советских народов под руководством КПСС.

В связи с празднованием 50-летия образования Советского Союза и 25-й годовщины провозглашения Румынии народной республикой в наших дружественных странах проводится ряд широких мероприятий. Свой значительный вклад в эту деятельность вносят и братские общества дружбы.

Ф. Сычков. 1870—1958. ДЕВУШКА В СИНЕМ ПЛАТКЕ.

Ю. Кугач (Москва). К ВЕСНЕ.

Художественная выставка «По родной стране».

С. Добряков (Сыктывкар). ПРАЗДНИЧНЫЕ.

К 75-ЛЕТИЮ
МАРШАЛА СОВЕТСКОГО
СОЮЗА И. С. КОНЕВА

ПОЛКОВОДЕЦ

«Войска Первого Украинского фронта...»

В последний год Великой Отечественной войны с этих слов начинались многие приказы Верховного Главнокомандующего, возвещавшие о новых блестящих победах Красной Армии. Об освобожденных городах и селах, о реках, с ходу форсированных нашими войсками, о разгромленных наголову, окруженных и уничтоженных группировках врага.

И весь этот победный год войсками Первого Украинского командовал один из виднейших военачальников нашей армии, Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

Велика ответственность полководца, которому партия и Родина доверили руководство столь крупным объединением. В Первый Украинский, например, входило 10—12 армий общей численностью более миллиона человек, не менее 15 тысяч орудий и минометов, двух с половиной тысяч самолетов и примерно столько же танков. Не всякому можно доверить такую массу людей и боевой техники. Но партия была уверена в мужестве, решительности, в таланте Ивана Степановича.

Еще в гражданскую молодой коммунист И. С. Конев — он вступил в партию в 1918 году,— будучи уездным военкомом, участвовал в ликвидации контрреволюционного восстания во главе отряда, сформированного им из рабочих и крестьян-бедняков. Потом сражался против Колчака, Семенова, Дидерикса и японских захватчиков на Восточном фронте и на Дальнем Востоке, был комиссаром знаменитого в Сибири и Забайкалье 102-го бронепоезда, комиссаром стрелковой бригады и дивизии.

В феврале 1921 года Ивана Степановича избрали делегатом X съезда партии, и он вместе с другими делегатами участвовал в подавлении контрреволюционного восстания в Кронштадте. В этом же году его назначили комиссаром штаба народно-революционной армии при Дальневосточной республике, а затем комиссаром 17-го Приморского корпуса.

И еще тогда, на заре Советской власти, комиссара Конева любили и уважали подчиненные, которым он не раз являл примеры преданности, справедливости, мужества и стойкости.

Комиссарская, партийная закалка очень помогла Ивану Степановичу Коневу в будущем, когда вскоре после окончания гражданской он продолжал службу в армии на командных постах. Прекрасно зная людей, он умел до мелочей вникнуть во все тяготы и трудности нелегкой солдатской службы.

Зимой 1937/38 года особая группа советских войск под командованием И. С. Конева, по просьбе правительства братской Монголии, вступила на территорию республики и в труднейших условиях высокогорья пустыни Гоби заняла позиции на монгольских границах, не допустив вторжения японских захватчиков.

Грянула Великая Отечественная война. В первые же ее дни 19-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. С. Конева— в огне жесточайших сражений. В сентябре во время Смоленского сражения соединения 19-й армии успешно бились под Ярцевом и Духовщиной, за что командование Западного фронта поставило их в пример. И. С. Коневу за умелое руководство войсками в этих боях было присвоено звание генерал-полковника.

В Московской битве Иван Степанович уже сам командовал фронтом: сначала Западным, потом Калининским. На огненной Курской дуге войска Степного фронта, возглавляемого И. С. Коневым, во взаимодействии с соединениями других фронтов начали контрнаступление и освободили Белгород и Харьков...

Наступление на Левобережной Украине, форсирование Днепра, прорыв вражеской обороны на Ингульце, Кировоградская операция, окружение и уничтожение совместно с другими фронтами крупнейшей вражеской группировки под Корсунь-Шевченковским, стремительное, с ходу форсирование Буга, Днестра, Прута, первый выход наших частей на государственную границу Советского Союза, Львовско-Сандомирская операция и захват важнейшего Сандомирского плацдарма, наступление через Южную Польшу, наконец, совместно с войсками I-го Белорусского фронта окружение и разгром берлинской группировки врага, взятие Берлина и стремительный бросок в Чехословакию на помощь восставшей Праге — вот вехи славного боевого пути войск, возглавляемых Маршалом Советского Союза И. С. Коневым.

Боевые заслуги Ивана Степановича Конева высоко оценены партией и правительством. Он дважды Герой Советского Союза, награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя — Красного Знамени, орденом «Победа», двумя — Суворова I степени, двумя — Кутузова II степени, Красной Звезды, многими медалями. Он Герой Монгольской Народной Республики, Герой ЧССР, награжден многими орденами иностранных государств. И. С. Конев не раз избирался делегатом съездов партии, в том числе и последнего, XXIV, он член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета всех созывов.

И по сей день Иван Степанович служит в боевом строю нашей славной армии, отдавая свой богатейший опыт молодому поколению воинов.

В. ПАВЛОВ

ПОЛУЧАЙ, РОДИНА, «НИВУ»!

Этому дню на заводе «Ростсельмаш» предшествовали долгие месяцы труда. Полным ходом шла реконструкция завода, а с конвейеров продолжали выпускаться комбайны СК-4. Здесь же рядом налаживалось производство новых мощных зерноуборочных комбайнов СК-5 «Нива»... И вот наступил праздник. Под звуки марша, под аплодисменты первый комбайн с номером 0001 «Нива» сходит с главного конвейера.

Фото Г. ОСОКИНА.

Здесь жизнь
Себя по чертежам
Верстает,
И человек
Становится большим,
Когда железной плотью
обрастают
Таинственные
остовы машин.
Здесь просто цех —
и никаких нет тайн.
Здесь
Просто
Цех.

Но, как живое диво,
Рождается комбайн,
рождается комбайн
С раздольным и простым
названьем «Нива».
Он первенец.
Он в мир войти спешит
Упрямыми, тяжелыми шагами.
Он ладно скроен
и надежно сшит
Умелыми
рабочими руками.

Вас. КРЕСЛОВ
Ростов-на-Дону.

ЧТО У ВАС НОВОГО!

ДЕД МОРОЗ И... ТРАКТОР

НОР САИМОВ, механизатор колхоза «Москва», Таджикской ССР

Хоть мы живем в самой солнечной республике, Новый год встречаем по всем правилам: в каждом доме стоит украшенная елка, хозяин «от имени и по поручению Деда Мороза» произносит тост с пожеланиями счастья и удачи и раздает подарки.

Получил подарок и я. Правда, мне его вручили за месяц до новогодней ночи. Но сделали это только потому, что ни под какой елкой его не спрячешь. К тому же не терпелось испытать в деле.

Ведь подарок-то особенный. Комсомольцы Челябинска в неурочное время сделали 15 тракторов «Т-100-М» — по одному на каждую республику. Вот и я получил такой подарок.

Каюсь, но я так увлекся, что совсем забыл, как бережно надо относиться к подаркам: гонял трактор на всех режимах, испытывал в самых разных условиях. А когда спохватился, оказалось, что в невиданно короткое время поднял 200 гектаров зяби.

Так что мой первый новогодний тост — за челябинцев, за дружбу! Спасибо за подарок!

Роман Александра Чаковского «Блокада» широко известен советскому читателю: 1-я, 2-я и 3-я книги его публиковались в журнале «Знамя» в 1968, 1970 и 1971 годах. Выходили они и отдельными изданиями. 4-я книга также будет печататься в журнале «Знамя» — с первого номера 1973 года.

События 4-й книги романа охватывают период героической обороны Ленинграда с начала октября до конца ноября 1941 года.

Главе, которая предлагается вниманию читателей, непосредственно предшествуют следующие события: командир батальона капитан Суровцев ранен во время боев в районе Невской Дубровки, на левобережном, отвоеванном у врага плацдарме, с которого наши войска 20 октября начали безуспешное наступление с целью прорвать блокаду.

В госпитале Суровцев оказывается в одной палате с молодым рабочим с Кировского завода Савельевым, танкистом, тоже получившим ранение. Они решают тайком уйти из госпиталя, не дожидаясь окончательного выздоровления,— Суровцев в свою часть, а Савельев на завод.

На улице их застает обстрел — они вынуждены укрыться в ближайшем бомбоубежище...

БЛО

Александр ЧАКОВСКИЙ

Рисунки С. БРОДСКОГО.

И вдруг страшный грохот раздался где-то совсем рядом. Фонарь мгновенно погас. Суровцев с силой толкнуло в спину, он полетел на пол, инстинктивно падая на правый бок, прижимая к груди больную руку.

Все покрыла непроницаемая тьма, и в темноте что-то еще грохотало, обваливалось, осыпалось. Пронзительно заплакал ребенок...

Это послужило как бы сигналом — вокруг послышались крики.

Суровцев лежал на полу. Его рот и нос были забиты горькой, едкой каменной пылью, пыль хрустела на зубах, попала в глаза, однако он мгновенно отдал себе отчет в том, что не терял сознания, следовательно, не контужен и упал, к счастью, не на больную руку.

Он не понял еще, что произошло. Одно было ясно: надо немедленно пресечь панику. Опираясь на правую руку, Суровцев приподнялся, чувствуя сильную боль в спине, и громко, командным голосом крикнул:

— Тихо! Всем оставаться на местах! Не двигаться! Дежурная, вы у двери?

Ответа не последовало, но люди стихли, прислушиваясь.

— Савельев, жив?— снова крикнул Суровцев.

— В порядке, капитан,— отозвался знакомый голос,— по кумполу чем-то шибануло, но крови, кажись, нет.

— Встань у двери и никого не выпускай!

— Дак ничего не видно в темноте, где она, дверь-то?

— Спички! У тебя в кармане должны быть спички!

Через секунду-другую слева от Суровцева вспыхнул огонек спички, но тут же погас, погасла и вторая спичка.

— Осторожно зажигай,— предостерег Суровцев,— тут откуда-то свежим воздухом тянет. Повернись спиной, а то опять задует.

Он прислушался. Наверху по-прежнему стреляли зенитки. Люди в подвале, словно замершие после командного окрика Суровцева, теперь снова задвигались. Очевидно, среди них были и раненые и ушибленные, потому что слышались стоны...

Кто-то звал кого-то по имени, кто-то кричал в темноте: «Дверь! Дверь-то откройте!..»

— Тихо!— снова громко произнес Суровцев.

Люди, подчиняясь его резкому окрику, опять затихли, только матери чуть слышно успокаивали своих детей.

— Савельев!— раздраженно крикнул в темноту Суровцев.— Долго будешь копаться?!

Наконец Савельеву удалось зажечь спичку.

— Теперь ищи фонарь!— сказал ему Суровцев и повторил уже громче:

— Товарищи! Пусть каждый пошарит возле себя, надо найти фонарь. Никакой опасности нет. Просто где-то поблизости разорвалась бомба...

Он закашлялся: едкая пыль попала ему в горло.

Похожий на светлячок огонек спички медленно перемещался.

«Главное — не допустить возобновления паники!— лихорадочно думал Суровцев.— Это может привести к новому обвалу, кто знает, что с потолком и стенами...»

Однако вслух он сказал совсем другое:

— Ищите фонарь, не двигаясь с места, а то друг друга передавите! Больше никакой опасности нет. Бомбы в одно и то же место дважды не попадают. А вот передавить друг друга в темноте можно. Так что главное — не вставать со своих мест, каждому оставаться там, где находится...

Он говорил медленно, с единственной мыслью — поддержать в людях спокойствие, пока найдется фонарь и можно будет осмотреться. Однако, когда погасла очередная спичка, не выдержал и зло крикнул:

— Где фонарь, Савельев? Долго будешь копаться?!

Вдруг что-то звякнуло, и в ту же секунду Савельев торжествующе воскликнул:

— Есть! Нашел!..

Спичка снова погасла, но голос Савельева продолжал звучать в темноте:

— Стекло разбито, капитан, только осколок торчит... Тьфу, черт, руку порезал...

— Потом о руке думать будешь!— оборвал его Суровцев.— Постарайся зажечь фонарь! Только осторожно, сначала оботри, керосин может вспыхнуть.

Савельев снова стал чиркать спичками. Наконец ему удалось зажечь фонарь, однако огонек тут же резко отклонился в сторону, дрогнул и погас.

— Я тебе говорил, прикрывай огонь, тут поток воздуха откуда-то проникает!— раздраженно проговорил Суровцев.— Давай фонарь сюда!

Он протянул в темноте руку и осторожно сделал несколько шагов вперед, стараясь не задеть сидевших на полу людей.

Прошло минуты две-три, прежде чем рука его уткнулась в грудь Савельева. Суровцев выхватил у него фонарь. Левой рукой, которую снял с перевязи, ощупал его, убедился, что керосин не пролился, встал, повернувшись к воздушной струе затылком, очистил фитиль от пыли и только тогда приказал:

— Теперь зажигай!

Савельев снова чиркнул спичкой...

Наконец фонарь загорелся. Суровцев поспешно приподнял его, повернув его так, чтобы сохранившийся большой осколок стекла предохранял пламя от потока воздуха, и осмотрелся.

Сначала трудно было что-либо разглядеть. Каменная пыль все еще висела в воздухе. Суровцев выкрутил фитиль до предела. Теперь он смог различить лица ближайших к нему людей. Все они были покрыты серой пылью и казались похожими одно на другое...

«Людьми займусь потом, потом,— повторял про себя Суровцев,— сейчас главное — осмотреть помещение, выяснить, что случилось...»

Медленно пробираясь между сидевшими и лежавшими на полу людьми, он дошел до противоположной стены и, подняв фонарь, убедился, что она цела. Он поднял фонарь еще выше. Потолок тоже как будто оставался целым, даже трещин не было видно.

Суровцев облегченно вздохнул. Больше всего он боялся, что могут рухнуть верхние этажи дома. Тогда все находившиеся в убежище люди оказались бы похороненными под грудами камня.

«Осмотреть дверь»,— мысленно скомандовал себе Суровцев и, сопровождаемый Савельевым, медленно двинулся вдоль стены по направлению к двери, держа фонарь перед собой.

И вдруг он остановился, мгновенно опустив фонарь. Он испугался, что люди увидят то, что на короткий миг открылось ему. На месте двери возвышалась огромная куча битого кирпича и обломков деревянных перекрытий. Выход из подвала был завален.

— Савельев,— тихо, почти шепотом сказал он,— постарайся осмотреть завал. Выясни, надолго ли тут работы, если попытаться его разобрать. А я пойду дальше.

Теперь Суровцев думал только об одном: немедленно найти то место, откуда в подвал проникает свежий воздух. Может быть, там в стене образовался пролом, достаточно широкий, чтобы через него можно было выбраться...

Дойдя до противоположной стены, он поднял фонарь и стал медленно осматривать ее. Внезапно свет фонаря, скользивший по стене, выхватил из темноты большую, почти в рост человека нишу. Именно оттуда тянуло холодом.

Суровцев хотел было полезть в пролом, чтобы посмотреть, куда он ведет, но в это время за спиной его раздался пронзительный женский крик...

— Не кричать!— гаркнул, оборачиваясь, Суровцев.— В чем дело?

— Марью... Марью Андреевну убило!..— сказала та же женщина, теперь тихо и робко.

Суровцев быстро пошел обратно. Подойдя к тому месту, где раньше была дверь, а теперь громоздился завал, он увидел то, чего не заметил в первый раз, когда быстро отвел фонарь, боясь, что снова начнется паника. Из-под груды разбитого кирпича, над которой вился дымок щебеночной пыли, виднелись ноги, обутые в кирзовые сапоги и до половины прикрытые клочьями юбки, и неестественно вывернутая рука с красной повязкой поверх разорванного рукава ватника.

Вокруг стояло несколько женщин.

— Как же мы выйдем теперь?!— истерично крикнула одна из них.— Дверь-то завалило!

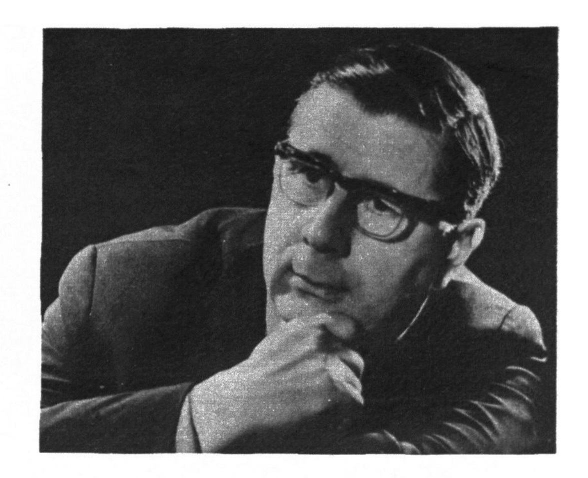
— Спокойно, спокойно!— резко сказал Суровцев.— Савельев! Найди двух здоровых мужчин, и попытайтесь разобрать кирпич. Может быть, она жива...

В эту минуту там, наверху, снова раздался грохот — бомба упала опять где-то рядом. По подвалу пронесся шквал воздушной волны.

— Товарищи,— крикнул Суровцев, еще не зная, какие новые разрушения принес этот взрыв, и опасаясь, что снова возникнет паника,— в стене есть пролом! Мы все сможем через него выйти! Только надо проявить спокойствие и слушать мою команду!

Он вернулся к пролому и протянул руку с

К А Д А

фонарем в его темную глубину. Но разглядеть что-либо было невозможно.

Суровцев перешагнул через остатки стены и, согнувшись, двинулся вперед, по-прежнему держа фонарь в вытянутой руке. Внезапно что-то звякнуло — видимо, фонарь стукнулся о железную балку. Суровцев нагнулся, чтобы посмотреть, и вдруг отпрянул, едва не уронив фонарь.

В полуметре от него висела огромная бомба.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Суровцев заставил себя приблизиться к ней.

Пятисоткилограммовая бомба, похожая на чудовищную, подвешенную за хвост рыбу, застряла в деревянных перекрытиях, в переплетении каких-то проводов и резиновых прокладок. Она зацепилась своим хвостовым оперением, ее нижняя часть находилась на уровне груди Суровцева и чуть заметно покачивалась на весу.

«Что делать, что делать?— стучало в его мозгу.— Бросить всех работоспособных на разборку завала? Но кто знает, что там, за этим завалом!.. Ведь не исключено, что сверху обрушилась вся лестничная клетка... Тогда пробиться в подвал сможет только специальная спасательная команда.

Значит, сидеть и ждать, когда кончится воздушный налет, в надежде, что их рано или поздно откопают? Но бомба, эта проклятая бомба! Она может сорваться при любом сотрясении или просто под силой собственной тяжести, и тогда...

Может быть, все же рискнуть и вывести людей поодиночке через провал под бомбой? Но куда он ведет, этот провал? Судя по проникающему откуда-то холодному воздуху, здесь есть выход наружу».

Суровцев крепче сжал проволочную ручку полуразбитой «летучей мыши», вобрал голову в плечи, пригнулся и шагнул под бомбу.

И в эту минуту фонарь погас — очевидно, Суровцев случайно повернул его не защищенной осколком стекла стороной к воздушной струе.

Он мысленно выругался и хотел уже позвать Савельева со спичками, но удержался, подумав о том, что не должен, не имеет права подвергать его смертельному риску.

Хотя Суровцев отлично понимал, что если бомба сорвется и произойдет взрыв, то вряд ли уцелеет хоть кто-нибудь, тем не менее ему казалось, что непосредственная близость к бомбе усиливает опасность: здесь в случае взрыва не было ни одного шанса на спасение.

Он просунул правую руку в проволочное полукольцо, на котором висел потухший фонарь,— пальцы левой руки еще плохо слушались,— вытянул руку вперед и двинулся в темноту.

Ему удалось сделать только три шага — он это твердо запомнил,— и рука его уперлась в какую-то преграду. Он поставил фонарь на землю и стал медленно обшаривать невидимое препятствие.

Очевидно, это была стена, частично поврежденная, но все же устоявшая при падении бомбы. Правда, на уровне вытянутой вверх руки Суровцев нащупал какое-то углубление. Ширина его как будто была достаточной, чтобы туда пролез человек.

Но куда вел этот ход? Может быть, он замыкался обвалом?

Суровцев еще раз поднял руку. Он не ощутил ни малейшего дуновения воздуха. И тогда ему все стало ясно. Никакого выхода отсюда нет. А воздух проникает в подвал сверху, через высокий колодец, который образовался при падении бомбы, пробившей крышу и верхние этажи. И хотя его окружала тьма, Суровцеву показалось, что он снова видит перед собой уродливую громадину, чуть покачивающуюся и ежеминутно грозящую сорваться и разнести в клочья все, что находится вокруг.

И вдруг в голову Суровцеву пришла утешительная мысль: «Может быть, это дефектная бомба? Или немецкие рабочие-антифашисты обезвредили ее на заводе — ведь такие случаи бывают, в газетах не раз об этом писали!..»

Суровцев подхватил фонарь: надо было возвращаться.

Он помнил: от бомбы его отделяют всего три шага. Он сделал один шаг... второй...

И в этот момент услышал встревоженный голос Савельева:

— Капитан, где ты? Что с фонарем? Опять погас?

Голос звучал совсем близко, видимо, Савельев стоял у самого пролома.

— Не подходи! — крикнул Суровцев.

— Что еще стряслось, капитан?— понизив голос, спросил Савельев.

— Я иду к тебе. Стой на месте и жди!

Он боялся, что Савельев все же шагнет в провал, в темноте толкнет бомбу и...

Суровцев сделал еще полшага вперед, поставил фонарь и медленно вытянул руку. Кончики его пальцев нащупали металлическое тело бомбы.

Он опустился на корточки, взял фонарь, осторожно пробрался под бомбой. У низкого края разрушенной стены он столкнулся с Савельевым.

— Женщина-то та самая... ну, дежурная,— вполголоса сказал Савельев,— кончилась... ну, убита... грудь и голову раздавило...

— Больше убитых нет?— поспешно спросил Суровцев.

— Нет. Раненые есть. В темноте не разберешь. Что с фонарем-то? Я сейчас спичку...

— Подожди,— тихо сказал Суровцев,— отойдем.

Только дойдя до противоположной стены, он велел зажечь спичку.

Когда огонек пробежал по широкому краю фитиля и, несколько раз дрогнув, разгорелся невысоким, но ровным пламенем, Суровцев тихо произнес:

— Я сейчас вернусь туда, в провал. Может быть, оттуда есть какой-нибудь выход.

— Вместе пойдем! — нетерпеливо воскликнул Савельев.

— Нет,— категорически заявил Суровцев и добавил первое, что пришло ему в голову: — Вдвоем там не повернуться.

— Но как же ты, с одной рукой?.. Я хоть фонарь буду держать!..

— Нет,— повторил Суровцев,— ты останешься здесь. Это приказ.

...Снова шагнув в провал, Суровцев приподнял фонарь, стараясь загородить его своим телом, чтобы из подвала нельзя было увидеть бомбу.

Потом внимательно оглядел ее. Огромный, мышиного цвета, сигарообразный металлический баллон держался на весу лишь потому, что его деформированное хвостовое оперение застряло, зажатое между деревянной балкой и канализационной трубой. На корпусе бомбы были видны вмятины, точно на кузове легковой автомашины после аварии.

Суровцев еще раз поднял фонарь, стараясь определить, насколько надежно зажато хвостовое оперение, и, к ужасу своему, увидел, что вдоль балки идут трещины.

Пол, на котором стоял Суровцев, был твердый, цементный. Если балка не выдержит и бомба упадет, взрыв будет неизбежным.

«Ну что же ты стоишь?!— мысленно воскликнул Суровцев.— Действуй же, черт тебя побери, действуй!»

Но зрелище готовой сорваться бомбы на какие-то секунды как будто парализовало его. Суровцев сжал зубы, тряхнул головой, чтобы сбросить охватившее его оцепенение. «Действуй! — снова приказал он себе. — От тебя зависят сейчас жизни десятков людей!»

До того, как он стал командиром стрелкового батальона, Суровцев был сапером. Он умел устанавливать и обезвреживать мины любых конструкций, но с неразорвавшейся авиационной бомбой ему иметь дело не приходилось.

И сейчас Суровцев лихорадочно пытался восстановить в памяти наставления и инструкции, которые во время учебы в училище вызубривал наизусть, и прежде всего инструкцию по обезвреживанию и уничтожению боеприпасов и авиационных бомб.

Вспомнились почему-то только два требования инструкции: «Не трогать!» и «Обезвреживать своими силами лишь в крайнем случае».

Но сейчас и был этот самый «крайний случай»...

«Спокойно! — мысленно произнес Суровцев.— Без паники!»

И вдруг подумал о том, что там, наверху, уже вечер и что если не удастся выбраться отсюда в самое ближайшее время, то наступит комендантский час, и тогда уже не останется никакой надежды избежать встречи с патрулем.

Эта, казалось бы, нелепая в данной ситуации мысль как-то разом привела его в состояние собранности и деловой сосредоточенности.

«Спокойно! — снова отдал он себе мысленный приказ.— Спокойно, никакой паники! Передо мной фугасная бомба. Единственная возможность обезвредить ее — это убрать из нее взрыватели... Взрыватели, взрыватели!» — настойчиво, точно гипнотизируя себя, повторил он.

Но почему бомба не взорвалась? Может быть, она снабжена механизмом замедленного действия?

Предположение, что бомба была дефектной, Суровцев решительно откинул, как самоуспокаивающее.

Отведя фонарь в сторону, он вплотную подошел к бомбе, затаил дыхание и приложил ухо к ее корпусу. И, вздрогнув, отшатнулся. В тишине, которая неожиданно наступила там, наверху, Суровцеву показалось, что он слышит частое тиканье часового механизма. «Все! — подумал он.— Это конец!» Он снова

прижал ухо к металлу и снова услышал глухое, едва различимое тиканье...

Переводя дыхание, Суровцев чуть отклонился от бомбы. Но в ушах его все еще раздавалось это едва слышное тиканье. «Неужели механизм стал работать громче?— подумал Суровцев.— Или мне только кажется, что я слышу?»

Он снова затаил дыхание. Но удары молоточка звучали по-прежнему...

Внезапно он понял, догадался!.. Это стучал метроном! Обвал каким-то чудом не повредил проводов, тянувшихся сверху к репродуктору, установленному в убежище где-то высоко под потолком, и метроном продолжал стучать. До сих пор его заглушал гул канонады, да и вся обстановка в подвале, после того как произошел обвал, была не такой, чтобы к нему прислушиваться.

Но теперь, во внезапно наступившей тишине, весь превратившись в слух, Суровцев понял: это стучит метроном.

«Значит, часового механизма в ней нет»,— с облегчением подумал он и снова посмотрел на бомбу, на этот раз с каким-то даже чувством благодарности.

Но мысль о взрывателях в бомбе снова вернула его к реальности. «Какого они типа?— подумал он.— Механического или электрохимического?» Но в этом случае где-то в уродливом теле бомбы заложена стеклянная ампула с серной кислотой...

«Нет,— сказал себе Суровцев,— ампула не выдержала бы сотрясения, разбилась, и бомба уже взорвалась бы».

Теперь все, что Суровцеву пришлось изучать в училище, все, что относилось к обезвреживанию авиационных бомб, параграфы инструкций и сам макет немецкой бомбы отчетливо встали перед его глазами.

Он вспомнил, что механические взрыватели имеют форму стакана и что на внешней стороне его должна быть красная стрелка, которая автоматически переводится в боевое положение при отделении бомбы от самолета. «Но, может быть, бомба не взорвалась потому, что не сработал механизм перевода?!» — с надеждой подумал он.

Суровцев снова поднял фонарь и стал внимательно исследовать поверхность бомбы.

Первый взрыватель, боковой, погруженный в тело бомбы, отыскал быстро. При дрожащем свете фонаря он рассмотрел его круглую, блестящую, отполированную поверхность с поперечным углублением, как на головке шурупа, окрашенным в красный цвет. Углубление заканчивалось стрелкой, направленной на латинскую букву «F». Это была первая буква немецкого слова «Feuer» — огонь. Взрыватель стоял в боевой позиции.

«Должен быть еще один взрыватель, а может быть, и два»,— подумал Суровцев. Он пригнулся, шагнул прямо под бомбу и поднес фонарь к ее тупому рылу. Все было правильно. Второй взрыватель, также стоящий на положении «F», располагался возле глубокой вмятины на самом окончании бомбы. Третий мог находиться только в ее верхней части. Суровцев высоко поднял фонарь, привстал на цыпочки и на носках обошел бомбу вокруг. Третьего взрывателя не было.

«Будем считать, что взрывателей только два,— сказал про себя Суровцев.— Задача заключается в том, чтобы их обезвредить...» Он был спокоен и сосредоточен.

И в этот момент за его спиной раздался неистовый женский крик:

— Бомба! Бомба!.. Сейчас взорвется!

В подвале разом возник шум, крики, шарканье ног...

Суровцев выскочил из провала и что было сил крикнул:

— Молчать! Никому не подходить! Савельев, принять на себя командование! Всем отойти к противоположной стене и лечь возле нее! Ясно?

Затем после короткой паузы сказал уже иным, нарочито спокойным голосом:

— Товарищи! Бомба совершенно безвредная, я сапер и знаю, что́ говорю. Никакой опасности. Только пару гаечек отвинтить надо. Но все должны подчиняться младшему лейтенанту Савельеву. Савельев, приказ понятен?

— Так точно, товарищ капитан! — откликнулся из темноты Савельев; в голосе его звучала нескрываемая тревога.

Суровцев вернулся к бомбе.

Но теперь ему трудно было сосредоточиться. Он знал, что к провалу в стене обращены сейчас десятки глаз, знал, что вряд ли кто-нибудь поверил его успокоительным словам и что люди уверены лишь в одном: их жизни зависят от его действий.

«Забыть, забыть обо всем! — мысленно внушал себе Суровцев.— Никого вокруг нет. Только я и бомба. Больше сейчас ничего не существует. Я и бомба, которую надо обезвредить...»

Он поднес фонарь к боковому взрывателю. Поблескивающая красным лаком продольная выемка-стрелка упиралась своим острым концом в букву «F», а тупым — в «S».

Суровцев не помнил, какое немецкое слово начинается с буквы «S», но знал точно, что повернуть стрелку острием к этой букве — значит перевести взрыватель из боевого положения в нейтральное.

Но, может быть, взрыватель установлен на неизвлекаемость, и бомба взорвется именно при изменении его положения?!

— Монетки у кого-нибудь есть?— крикнул он, обернувшись, и тут же поспешно добавил: — Нет, не надо!

Суровцев поставил фонарь, опустил руку в карман шинели, нащупал монету...

Где-то наверху снова раздался глухой разрыв. Суровцев почувствовал, что даже сюда, вниз, докатилась воздушная волна, и в то же мгновение погас фонарь.

Суровцев стоял в темноте. За его спиной замерли люди, и ему казалось, что он слышит их тяжелое дыхание. Впереди, меньше чем в полуметре, висела невидимая смертоносная бомба, готовая при первом же сильном сотрясении сорваться с полуразрушенных деревянных перекрытий.

И вдруг за спиной Суровцева мелькнул огонек. Он обернулся и увидел Савельева. Стоя на корточках, тот подносил спичку к фитилю фонаря. Через мгновение вспыхнуло неровное, трепещущее пламя.

— Молодец,— сказал Суровцев,— теперь давай фонарь и иди обратно к стене.

Он протянул руку и взял фонарь.

Но Савельев не уходил. Он стоял, выпрямившись, и взгляд его был прикован к бомбе.

— Вот это да-а,— произнес он полушепотом, и трудно было понять, чего больше в его голосе — страха или удивления.

— Тебе сказано: иди назад и ложись у стены. Как все. Ясно?— резко сказал Суровцев.

Он повернулся лицом к бомбе и опять попытался сосредоточиться.

И вдруг понял, только сейчас понял элементарную вещь: он не может одной и той же рукой держать фонарь и поворачивать монеткой стрелку. Его охватила злоба, злоба на самого себя, на свою больную руку...

По-прежнему держа фонарь в правой руке, он попробовал медленно согнуть и разогнуть левую. Его пронизала боль от кончиков пальцев до плеча, однако эта боль была ничто по сравнению с радостью от сознания, что кое-как он может действовать и больной рукой. Опустив фонарь, он переложил тонкую проволочную ручку-держалку в левую руку.

Когда Суровцев сжал пальцами ручку фонаря, в локоть отдал сильный, точно электрический удар. Превозмогая боль, он все же снова согнул руку. Теперь фонарь находился на уровне его груди, и красную риску взрывателя с выемкой-стрелкой, стоящей на смертоносном «F», можно было разглядеть.

Затаив дыхание, Суровцев поднес медную монету к продольному углублению на дне взрывателя.

— Капитан, дай я фонарь буду держать!— услышал он за собой голос Савельева.

— Кому было сказано уйти!— сквозь зубы произнес Суровцев.

— Никуда я не уйду,— раздалось в ответ.— Дай фонарь, говорю!

Савельев стоял за его спиной, и по тону его голоса Суровцев понял: он действительно никуда не уйдет.

— Хрен с тобой, держи, если жизнь надоела!— с отчаянием проговорил Суровцев, чувствуя, что сейчас выронит фонарь из своих онемевших от долгого бездействия пальцев.

Савельев взял фонарь и поднял его на уровень взрывателя.

Суровцев молча вложил в выемку ребро монеты.

Надо было повернуть монету против часовой стрелки, чтобы красная стрелка перешла из боевого положения «F» в безопасное «S».

И вдруг Суровцев почувствовал, что у него не хватает решимости сделать это движение, которое, если взрыватели установлены на неизвлекаемость, может оказаться роковым. Он впервые подумал, что, если произойдет взрыв, все будет кончено, он никогда больше не увидит ни фронта, ни своих бойцов, ни солнца, ни неба, и все те люди, которые находятся позади него, будут вместе с ним погребены в каменной могиле, погребены только потому, что у него, капитана Суровцева, не хватило опыта, умения, решимости их спасти...

«Действуй же, сволочь!»— зло сказал он себе и, на мгновение зажмурив глаза, плавно повернул вставленную в продольное углубление монету.

Красная риска легко поддалась, стрелка сделала полукруг и теперь острием своим уперлась в букву «S».

Суровцев перевел дыхание и в изнеможении опустил руку.

— Порядок?— шепотом спросил Савельев.

— Помолчи!— прошептал в ответ Суровцев. Тыльной стороной руки, в пальцах которой он все еще зажимал монету, Суровцев вытер со лба пот.

— Теперь все?— все так же шепотом спросил Савельев.

— Нет, не все. Опусти фонарь. Ниже. Еще ниже. Вот так.

Савельев опустился на корточки, а Суровцев встал на колени и запрокинул голову. Теперь и взрыватель на носу бомбы был ему хорошо виден. Уже со смутной надеждой, что все обойдется благополучно, он той же монетой перевел красную стрелку нижнего взрывателя с боевого положения в нейтральное. Выпрямился и тихо, почти про себя произнес:

— Теперь с этим все...

— Товарищи!— неожиданно звонко крикнул Савельев, оборачиваясь назад в темноту.— Опасность миновала, полный порядок!

— Молчи!— прошипел Суровцев и громко сказал:— Всем оставаться на местах! Работа еще не окончена.

— Ты что, капитан,— тихо спросил Савельев,— на всякий случай, что ли?..

Но нет, Суровцев знал, что говорил. Он помнил, как один из его преподавателей, крупный специалист по вопросам вооружения, не раз предупреждал на своих лекциях, что до тех пор, пока взрыватели не удалены из авиабомбы, она опасна.

Следовательно, пока из этого огромного металлического баллона, наполненного плавленым тротилом, не будут удалены два металлических стакана, несущих в себе взрывчатку особой, повышенной чувствительности, бомба при падении еще может взорваться.

Но взорваться она может и при попытке вывинтить эти стаканы — разумеется, в том случае, если они установлены на неизвлекаемость.

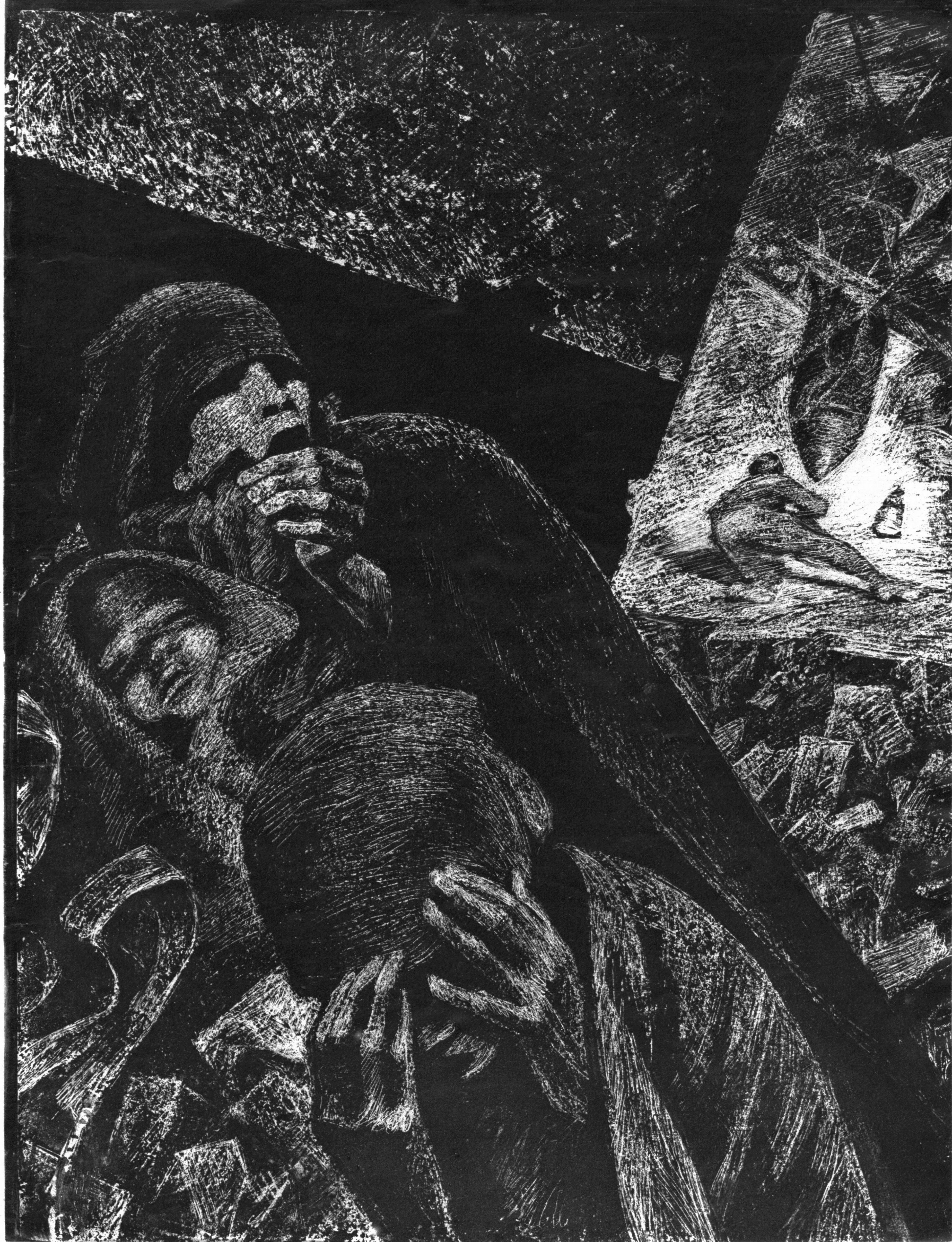
Суровцев снова вложил монету в выемку с намерением начать вывинчивать боковой взрыватель и заметил, что рука его дрожит от напряжения.

«Нет, так не годится»,— сказал он себе.

Прислушался. Сверху опять доносилась глухая канонада. Он вытащил часы и взглянул на них. Было половина седьмого.

Суровцев хорошо помнил, что, когда последний раз вынимал часы, стрелки показывали без десяти шесть. С тех пор, ему казалось, прошла вечность. Он подумал: не остановились ли часы?.. Нет, они шли. Секундная стрелка быстро обегала свой круг. Следовательно, с тех пор, как произошел обвал, с той минуты, как Суровцев впервые увидел эту проклятую бомбу, прошло не более сорока минут.

«Спокойно!.. Не надо торопиться... Еще можно успеть»,— подумал Суровцев. Он не отдавал себе отчета в реальном смысле этих слов. Успеть?.. Куда? На Финляндский вокзал до наступления комендантского часа? Размышлять об этом, когда в четверти метра от тебя смерть? Да если бомбу и удастся обезвредить, все равно выбраться из подвала без помощи извне невозможно...

Но обо всем этом Суровцев сейчас и не думал. Он чисто подсознательно отметил про себя, что «время еще есть», «торопиться не к чему», и только.

«Надо отдохнуть»,— подумал он, лишь сейчас почувствовав, что весь взмок — влажная нижняя рубашка прилипла к спине.

«Пять минут перерыва»,— сказал он себе и еще раз взглянул на часы. В тридцать пять седьмого он продолжит работу. А сейчас отдохнуть. Ни о чем не думать.

— В чем дело, товарищ капитан?— встревоженно спросил Савельев, видя, что Суровцев застыл в бездействии.

— Ничего. Помолчи. Поставь фонарь,— ответил Суровцев и закрыл глаза.

Но как только усилием воли он заставил себя не думать о бомбе, перед глазами его замелькали вдруг картины недавних боев, госпиталь, снова фронт, лица Пастухова, Звягинцева...

Суровцеву показалось, что видит Веру, склонившуюся над письмом, которое он оставил ей, уходя из госпиталя. Потом и это видение исчезло, и откуда-то издалека всплыло лицо матери, она что-то шептала ему, только он не мог разобрать слов и молил ее: «Громче, мама, громче, я ничего не слышу!..»

Суровцев вздрогнул и открыл глаза. Он с испугом подумал, не заснул ли он, и поспешно взглянул на часы.

Было тридцать три минуты седьмого, то есть прошло всего две-три минуты.

— Приступим!— решительно произнес Суровцев, оборачиваясь к Савельеву.— Подними фонарь!

Он вложил монету в выемку и попробовал повернуть. Но стакан больше не подавался, красная стрелка по-прежнему упиралась своим острием в букву «S».

Он сильнее нажал на монету, однако стрелка даже не шелохнулась. Казалось, что взрыватель намертво врос в тело бомбы.

Суровцев в отчаянии опустил руку...

Он вспомнил, что существует специальный инструмент для вывинчивания взрывателей — его демонстрировали на занятиях в училище,— металлический двузубец с массивной, удобной для захвата ручкой...

— Ничего не выйдет...— безнадежно сказал он Савельеву.

Суровцев подумал о том, что напрасно не осмотрел как следует ту нишу в провале, которую нащупал в темноте. Может быть, лаз наверх все-таки существует и можно выбраться наружу, связаться с ближайшим штабом МПВО...

И тут же резко оборвал себя: «Бежать хочешь, друг?! Сам — спастись, а людей оставить наедине с бомбой, беззащитных женщин, детей, стариков?!»

Он повернулся и, шагнув мимо Савельева, обратился к сидевшим в темноте людям:

— Товарищи, мне нужна отвертка... нет, отвертка не годится, нужно что-то вроде стамески, понимаете меня? Словом, какой-то инструмент с широким лезвием. Может, есть у кого-нибудь что-то подходящее?

— Дядя Ваня!— раздался женский голос.— Ты же здесь водопроводчиком работал, может, у тебя есть?..

— Я инструмент с собой не таскаю,— угрюмо ответил мужчина.

— Послушайте, дядя Ваня,— сказал Суровцев, не видя, к кому обращается,— подумайте! Тут же, судя по всему, какая-то котельная была! Может, что-нибудь можно найти? Вроде стамески, понимаете?!— Последние слова он произнес почти с мольбой.

Люди в подвале зашумели, задвигались...

— Тихо, не ходить!— крикнул Суровцев, опасаясь, что движение людей вызовет сотрясение перекрытий, в которых застряла бомба.— Сейчас принесут фонарь...

Он обернулся к Савельеву и тихо сказал:

— Там, в углу, груда железного лома. Иди пошуруй, только быстро!

Лучик света прыгал по каменному полу. Суровцев с удовлетворением отметил, что его приказ выполнен: вблизи провала никого нет, все перебрались к противоположной стене.

Внезапно наверху опять раздался взрыв и снова загрохотали зенитки.

Суровцев мгновенно бросился к бомбе и обхватил ее обеими руками — здоровой и больной,— не осознавая бессмысленности своего стремления в случае чего удержать бомбу на весу.

Он слышал, что позади него что-то звякало: видимо, Савельев перебирал металлическую рухлядь.

Вдруг какая-то женщина радостно крикнула:

— Вот стамеска!

— Никакая это не стамеска, это долото!— ответил мужчина, судя по голосу, тот самый дядя Ваня.

— Сюда, давайте сюда!— воскликнул Суровцев, но тут же спохватился:— Стоп, никому не подходить! Савельев, дай-ка сюда чего там нашли.

Через минуту Савельев передал ему инструмент. При свете фонаря Суровцев увидел, что это и впрямь старое, покрытое ржавчиной долото с деревянной ручкой.

Суровцев попробовал вложить широкое плоское лезвие в углубление на боковом взрывателе. Получилось.

— Мотай отсюда,— тихо сказал он Савельеву, не оборачиваясь.

— Почему?— недоуменно спросил тот.

— Без разговоров! Поставь фонарь и уходи.

— Но почему, капитан?

— Потому,— со злобой в голосе, но почти шепотом произнес Суровцев,— что взрыватель может быть установлен на неизвлекаемость. Жить тебе надоело, что ли?

— Не уйду,— упрямо сказал Савельев.

— Младший лейтенант,— прошипел Суровцев,— выполняй приказ. Назад!

— Не... не выполню, товарищ капитан!— с каким-то отчаянием ответил Савельев и добавил, почему-то перейдя на «вы»:— Вам одной рукой не справиться.

— Ну и черт с тобой,— в сердцах сказал Суровцев и попробовал повернуть долото.

Но и на этот раз красная стрелка не сдвинулась с места.

«Э-э, будь что будет»,— мысленно произнес Суровцев и уже с силой попытался повернуть ручку, но опять безуспешно.

— Держите фонарь,— снова обращаясь к Суровцеву на «вы», сказал Савельев.— Я попробую. Ну... держите!

И Суровцев понял, что иного выхода нет. Он молча передал долото Савельеву и взял у него фонарь. Тот вставил долото в углубление и тихо спросил:

— Куда поворачивать? Вправо? Влево?

— Попробуй сперва, как обычный шуруп. Влево. Но чуть-чуть! Чтобы только сдвинулась...

Он поднял фонарь на уровень взрывателя и впился глазами в полированную поверхность дна стакана.

Савельев ухватился за ручку обеими руками, лицо его мгновенно стало мокрым от пота, хотя он еще и не пытался ее повернуть...

Но вот он отступил на полшага и сделал рывок.

И Суровцев увидел, как поблескивающая при свете фонаря, выкрашенная красным лаком стрелка чуть отклонилась от буквы «S».

— Стоп!— крикнул Суровцев, быстро поставил фонарь на землю и буквально сорвал долото с выемки.

— Что, капитан?!— недоуменно спросил Савельев.— Ведь пошла!

— Вижу, что пошла! Но теперь я сам. Все. Уходи. И без разговоров. Обоим погибать ни к чему.

Суровцев, конечно, понимал, что если взрыватель и в самом деле установлен на неизвлекаемость и при вывинчивании стакана произойдет взрыв, то уцелеть трудно и в двадцати метрах от бомбы. Но там есть хоть мизерный шанс на спасение, а рядом — никакого...

— Уходи сам, если хочешь, а я никуда не уйду,— грубо ответил ему Савельев и поднял фонарь.

Суровцев молча повернулся, снова вложил долото в риску и в ту же секунду, забыв обо всем на свете, как бы слившись воедино с зажатым в руке долотом, плавно повернул его один раз и затем после короткой паузы второй. Взрыва не последовало.

Но Суровцев знал, что радоваться еще рано. Для того, чтобы вывинтить стакан-взрыватель, надо было сделать еще несколько оборотов, и каждый из них грозил смертью.

Он повернул еще раз, второй... третий...

Ранее утопленный в теле бомбы, стакан уже на сантиметр или на два возвышался над ее серой, мышиной поверхностью...

Суровцев еще три раза повернул долото, и, почувствовав, что резьба кончилась, бросил долото на землю, и, обхватив пальцами гладкий латунный стакан, выдернул его...

Голова у Суровцева кружилась. Он стоял, прижимая к груди взрыватель. Нетяжелый, всего в двести — триста граммов весом, до половины покрытый резьбой, а в нижней своей части совершенно гладкий, проклятый этот стакан был теперь никому не страшен.

Суровцев протянул его Савельеву.

— Посмотри игрушку.

Оставался еще один взрыватель. Он тоже мог быть установлен на неизвлекаемость. Но чувство опасности у Суровцева уже притупилось, напряжение спало.

— Будем извлекать второй,— как-то равнодушно сказал он.

Суровцев присел на корточки и, вставив долото в прорезь, сделал попытку повернуть стакан. Но у него ничего не вышло: одной рукой работать было трудно.

Он попробовал еще раз — стрелка не сдвинулась с места.

Наконец, он вылез из-под бомбы и, протянув долото Савельеву, сказал безнадежным голосом:

— Давай действуй.

Теперь, сидя на корточках, он держал фонарь и неотрывно следил за каждым движением Савельева.

— Поворачивай налево!..— скомандовал он, когда Савельев вставил долото.— Медленно! Спокойно! Так... пошла, пошла! Отдохни... Теперь отворачивай дальше...

Гладкий, полированный стакан медленно вылезал наружу.

— Все, убери долото!— приказал Суровцев и стал вывинчивать стакан пальцами. Через мгновение он уже сжимал взрыватель в руке. Потом поставил его на пол рядом с первым...

— Сволочь...— Он глядел на взрыватели и повторял:— Сволочь... Вот сволочь!

Поднялся на затекших ногах и усталым, тусклым голосом сказал в темноту:

— Все, товарищи! Опасность миновала.

Затем вытащил из кармана часы.

— Наверное, поздно, капитан?— спросил Савельев.— Никуда не успеем?

Он, видимо, еще не отдавал себе отчета в том, что выбраться из подвала без посторонней помощи все равно невозможно.

— Без пяти семь,— сказал Суровцев и прислушался. Ни зенитной пальбы, ни разрывов бомб не было слышно.

Он стоял, задумавшись и по-прежнему держа часы на раскрытой ладони. Потом неожиданно протянул их Савельеву:

— Возьми.

— Чего?— недоуменно переспросил Савельев.

— Часы, говорю, возьми!— сказал Суровцев резко, даже грубо.

— Зачем, капитан?

— Бери, говорю!— повторял Суровцев.— Ну... на память.

— Да ты что, капитан,— ошеломленно переспросил Савельев,— это ж ваши, боевые... дареные!

— Вот и будут дареные.

— Дак там же имя ваше написано!

— Имя, если хочешь, сотри. Рашпилем.

Савельев медленно протянул руку и взял с ладони Суровцева часы.

— Ну... спасибо,— тихо произнес он.— Только я имя ваше стирать не буду... Нет, не буду.

Савельев взял часы. Несколько секунд держал их на ладони, потом осторожно опустил в брючный карман.

— Теперь... теперь что будем делать, товарищ капитан?

— Спать,— усталым, каким-то отрешенным голосом произнес Суровцев.

— А как же...

— Не знаю. Хочу спать,— повторил Суровцев.

При свете фонаря они отыскали свободное место у стены и легли рядом. Суровцев заснул мгновенно.

Где-то среди ночи бомба сорвалась с перекрытий и с грохотом упала на каменный пол. Но она была уже безопасна.

...Откопали их только под утро...

ЧТО У ВАС НОВОГО!

С Новым годом! С новым счастьем, с новыми радостями и делами! А что у вас нового в Новом году? Этот вопрос мы задали самым разным людям. Вот что они ответили:

МЕНЯЮ КАЛЕНДАРЬ!

ДЖХА НАРАЯН, студент Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

У меня столько нового, что до сих пор не могу прийти в себя. Полгода назад я приехал из Непала в Советский Союз и стал студентом. По-русски пока говорю неважно, но я изучаю русский язык и буду филологом.

И еще одна новость. Девятнадцать лет я встречал Новый год 30 чейтра — по европейскому календарю 14 апреля. Прошлой весной отметил наступление 2029 года в родном Дзанакуре, а теперь буду встречать 1973 год в Москве. Я еще не видел снега, не трогал елки, не понимаю, как это мороз может щипать уши.

И все же хочу отметить наступление Нового года по-непальски. Мы в этот день купаемся в озере, обливаем друг друга водой, едим «бори» — национальное блюдо из гороха и риса — и пьем «ванг» — напиток, настоянный на горных травах. В университете 85 непальцев, и все первокурсники меня поддерживают. А старшекурсники бастуют: пить «ванг» и есть «бори» согласны, а купаться в Москве-реке ни в какую! Говорят, что без жертв не обойтись: или мы умрем от холода, или прохожие со смеху...

ЗАГЛЯНЕМ В БАБУШКИН СУНДУК

КЭТЭ КИТС, главный редактор журнала «Силуэт»

В новом году самыми модными будут наряды, которые сохранились... в старых сундуках. Впрочем, в этом нет ничего странного, в моде, как нигде, живуча поговорка: «Новое — это хорошо забытое старое». Зимой и весной на улицах появятся девушки, удивительно похожие на своих мам: начало 50-х годов было эрой «реглана» и «кимоно», сейчас эти фасоны снова перешли в наступление.

Чтобы разыскать модные вечерние платья, надо еще глубже залезть в бабушкин сундук: снова «в ходу» обнаженные руки и открытая спина. И уж если повезет, на самом донышке можно будет найти коротенькое платьице, в котором бабушка бегала на свидания в году эдак двадцать пятом,— это и есть всем известное «мини». В 1973 году оно не сдаст своих позиций.

Но особенно повезет женщинам, у которых сохранились старые семейные альбомы. На пожелтевших фотографиях тетушек и бабушек они увидят самые модные прически — пышные, свободные, без всякого начеса и лака.

Очень напористо врывается в ателье и фабрики одежды спорт. Последний «писк» моды — куртка дзюдоиста: широкая, свободная, подпоясанная кушаком. Но и это, пожалуй, когда-то было...

Одним словом, не удивляйтесь, если в букинистических магазинах увидите очереди взволнованных женщин — они нарасхват берут старые-престарые журналы мод.

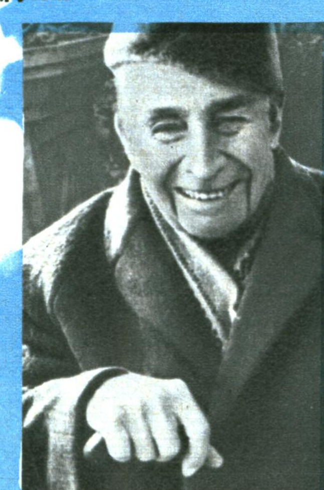

СОТЫЙ!

П. А. КОБАХИДЗЕ, пенсионер

И буду я встречать свой сотый Новый год! Что ни говорите, а сто — это сто, и ничего тут не поделаешь. Хотя я, честно говоря, никакого груза на плечах не чувствую. Правда, у меня немало помощников. Первый, и самый главный — труд. Мой рабочий стаж — семьдесят лет. Потом — спорт. Каждый день начинаю с зарядки, а к вечеру еду за город и гуляю: свежий воздух ничем не заменишь.

Есть у меня еще один союзник, без которого не только старому, но и молодому трудно. Друзья — вот кто нужен человеку! Поэтому мой новогодний тост всегда один: много вам радостей и много-много друзей!

ПРИВЕТ ИЗ 73-го

Юрий АЯКИН, фрезеровщик московского завода «Манометр»

Уже который год я собираюсь устроить вот какую шутку: мне на праздник говорят: «С Новым годом!» — а я отвечаю: «Здрасте, Новый год был у меня уже месяц назад! Я давно в счет другого года работаю...» Только неудобно как-то: подумают, что хвастаюсь. Таких, как я, на одном нашем «Манометре» сто пятьдесят человек. А если подсчитать, сколько таких во всей стране, придется, наверное, еще один Новый год объявить на первое декабря!

У нас в семье уже традиция появилась: выполнил я годовой план досрочно — значит, вся премия расходуется на подарки. Теперь сижу и мучаюсь: что дарить младшей дочке, что старшей, что жене? Да и себя забывать не следует!..

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МАГАЗИНЫ

Н. ПАНТЮХОВ, заместитель начальника Роскультторга

Все наши новости сконцентрированы в одной цифре: в 1973 году только предприятия России выпустят 926 видов новых изделий. Ленинградцы, например, предложат новый стереофонический магнитофон «Аврора-стерео». Москвичи — цветной телевизор «Рубин-707», который гораздо легче, удобнее и надежнее всех старых моделей. Да и изображение куда четче и «цветистее». А на дорогах страны появятся новые автомобили: «Жигули» модели ВАЗ-2103, и «Москвич» ИЖ-2125. У них более современная форма кузова, улучшена отделка салона, модернизирован двигатель.

Из ворот Рыбинского моторостроительного завода выйдут невиданные доселе снегоходы: конструкторы ухитрились обыкновенный мотороллер поставить на лыжи, и получилась довольно оригинальная машина, незаменимая в условиях Крайнего Севера.

Любители фотографии получат фотоаппараты «Зенит-ЕМ» и «Зенит-ВМ». Главная их особенность — наводка на резкость осуществляется с помощью микролинз, а это заметно улучшит качество негативов.

Появятся на прилавках и новые кинокамеры, баяны, гармонии, новые балалайки и пианино. Неузнаваемо изменятся витрины «Детского мира» — так много поступит новых игрушек.

Одним словом, добро пожаловать в магазины!

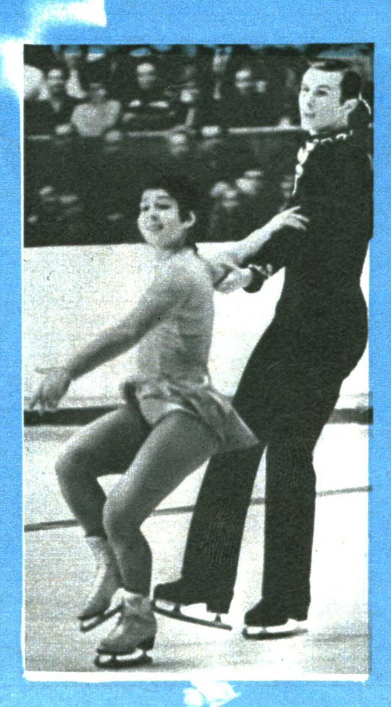

А Я ЛЮБЛЮ НЕЧЕТНЫЕ...

ИРИНА РОДНИНА, четырехкратная чемпионка мира, чемпионка XI зимних Олимпийских игр по фигурному катанию

Я люблю нечетные годы. Именно в нечетном 1969 году мы впервые стали чемпионами Европы и мира, а в 1971-м — доказали, что этот успех был не случайным. Теперь я с нетерпением жду 1973 года. Что он даст, пока не знаю. Но я очень и очень на него надеюсь. Ведь моя спортивная жизнь начинается чуть ли не с самого нуля. Причем мне частенько приходится выступать в роли тренера — по крайней мере С. А. Жук доверяет мне «воспитывать» нового партнера Сашу Зайцева. Он-то, конечно, считает, что мне профессия тренера противопоказана: так ему, бедняге, от меня достается.

Многое предстоит сделать в Новом году. Так что и новостей будет много.

Ирина Роднина — чемпионка мира и Олимпийских игр в гостях у юных фигуристов.

М. БОЧИНИНА
Фото А. АНАТОЛЬЕВА.

ЛЕД

Ловкость, стремительность, гармония — вот качества современного фигуриста!

А как стать таким!..

Им по четыре года. Они начинают первое знакомство с коньками и льдом в школе фигурного катания ЦСКА. Но надо еще выдержать экзамены, и притом у таких прославленных мастеров фигурного катания, как заслуженный тренер Советского Союза Станислав Жук, серебряный призер зимней Олимпиады в Гренобле Александр Горелик и неоднократный чемпион страны Виктор Рыжкин.

Но вот экзамены позади. Начинаются радостные и грустные, неизменно трудные спортивные будни. Лед не подушка. Главное — научиться падать — советует тренер. Совет немаловажный: можно так упасть на жесткий лед, что... лучше сидеть дома. Тем более что ноги упрямо тебя не слушаются.

Но это не очень огорчает малышей. Они знают: падают даже настоящие фигуристы, большие мастера! Иное дело мамы, папы, дедушки и бабушки. Для них каждая неудача на льду—катастрофа! Вот почему после тренировки они засыпают беспокойными вопросами Александра Горелика...

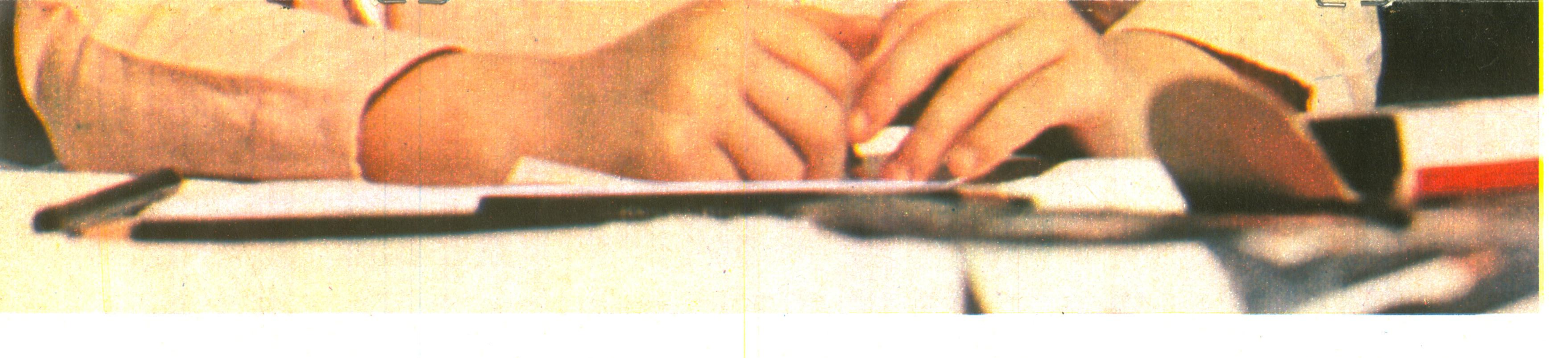

Быть может, не все станут мастерами, чемпионами. Но здоровыми, ловкими, изящными они будут обязательно!..

С НОВЫМ ГОДОМ,
ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
Понедельник	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Вторник	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Среда	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Четверг	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Пятница	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Суббота	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Воскресенье	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24

Дни недели	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Понедельник	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Вторник	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Среда	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Четверг	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Пятница	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Суббота	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Воскресенье	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30

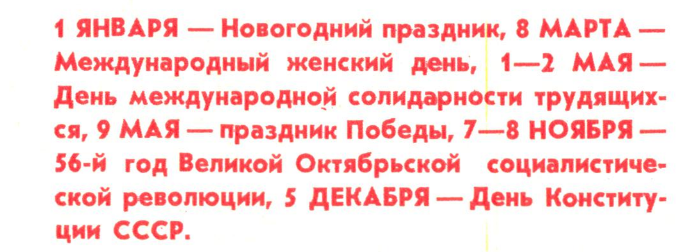

1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, 8 МАРТА — Международный женский день, 1—2 МАЯ — День международной солидарности трудящихся, 9 МАЯ — праздник Победы, 7—8 НОЯБРЯ — 56-й год Великой Октябрьской социалистической революции, 5 ДЕКАБРЯ — День Конституции СССР.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

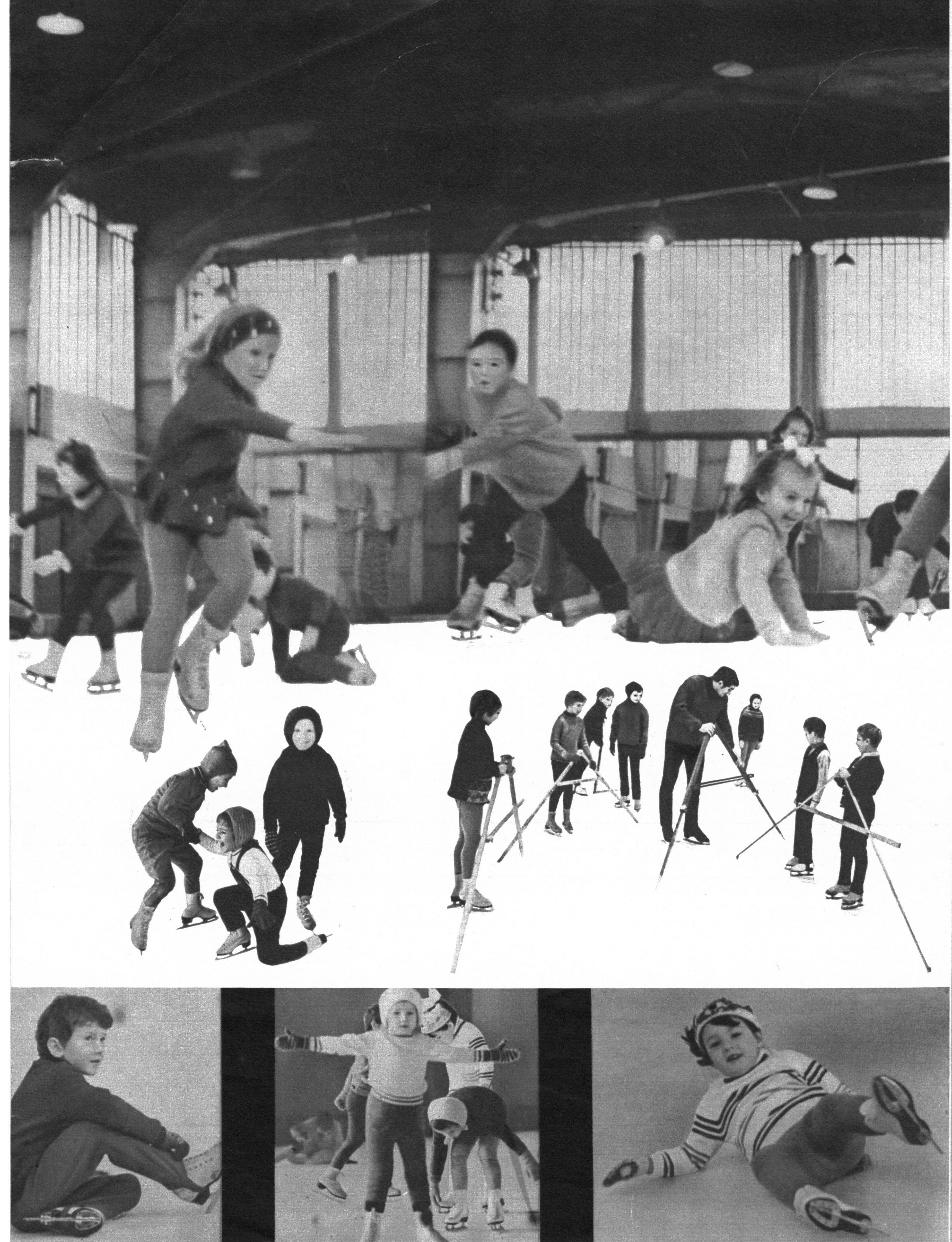
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

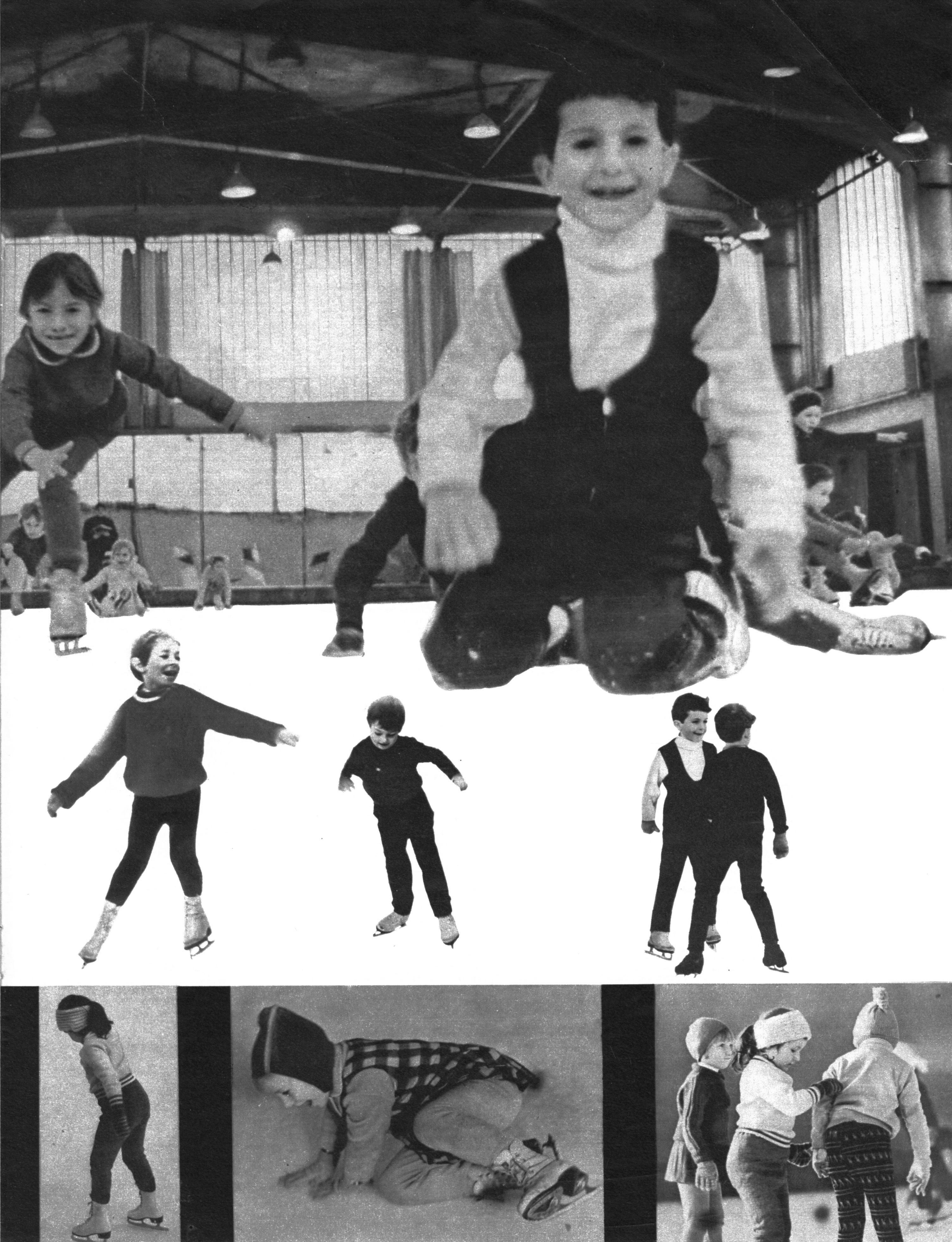
НЕ ПОДУШКА ▸

Леонид МАРТЫНОВ

МЫ ЕДИ

ОБЛИК НАРОДА

Я знал в лицо землевладельца
И видел у его крыльца
Жнеца, беднягу земледельца...
Недружно бились их сердца!

При слове «золотоискатель»
Мне вспоминается тропа,
И он, усталых ног таскатель,
И злых соперников толпа.

Ловцов, купцам попавшим в сети,
Я видывал. Да всех не счесть,
Кто бедовал тысячелетья,
Свою вынашивая месть.

Кровавился над Волгой парус,
Разбойничали соловьи...
Народа молодость и старость,
Они не чьи-то, а мои!

И жив с народом воедино,—
Его мне ноша по плечу! —
Свои морщины и седины
В его я облике ищу.

Ищу, но тщетно! Чем скорее
Я старюсь, тем его черты
Все краше! Это я старею,
Народ бессмертный, а не ты!

МОХОВАЯ

Тебя
Я помню,
Моховая,
В первоначальном естестве —
От дрог и дровен до трамвая
С Охотным рядом в кумовстве.
Исчезли сани, скрылись кони,
И разве только ты сама
Вдруг объявляешься на склоне
Библиотечного холма,
Громадой Университета
Взбираясь к Ленинским горам,
И шпиль, блестящий, как ракета,
К соседним тянется мирам,
Хотя и здесь все выше, выше
Фотонно звездною тропой
С высот библиотечной крыши
Идут философы толпой.

СТУДЕНТЫ

В лесах,
Где Север,
Хмурясь туча-тучей,
Глядит, как папоротники цветут,
Над белой ночью высится могучий,
Седой, белоколонный институт.

И все студенты тут других не проще.
Особенность, пожалуй, только в том,
Что тот — из чащи, полной дикой мощи,
Другой — как будто плотогон с шестом.

И девушки, вчерашние пастушки,
Ровесницы поселков заводских,
Исследования пишут, не простушки,
О древностях славянских и чудских.

А, впрочем, все: и очник и заочник,
Который тоже где-нибудь в избе
Таится, точно Даниил Заточник,
За ставнями в ветшающей резьбе,—

Все — дети северной своей отчизны,—
Ночами иногда, борясь со сном,
Употребляют провинциализмы,
Как в отрочестве снежном и лесном.

Ведь не отвергнет даже и философ
Иного просторечья простоту —
Так говорил, должно быть, Ломоносов,
Не с кафедры, конечно, а в быту.

В быту столичном,
А не только тут,
Где все же
Папоротники
Цветут!

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Затерялись где-то
Старые друзья.
Знаю: их за это
И винить нельзя.

Заняты, и очень:
Хмурится она,
Он сосредоточен...
Ясно: жизнь сложна!

Вдруг звонок: — Мы близко!
— Где же вы? Алло?
А телефонистка:
— Время истекло!

Трубку бросил. Вышел.
Вижу: небеса.
С них-то я и слышал
Эти голоса.

Про житье земное
Из небытия
Говорят со мною
Старые друзья!

СЕНТЯБРЬСКИЙ ТОРТ

Был
Заморозок
Слаб ночной,
С клумб изморозь сошла,
И торт вишнево-яблочный
Искусница пекла.
И на своем участочке
С карниза на карниз
Попрыгивали ласточки,
Поглядывая вниз.
И алая, как яблочко,—
К полудню припекло! —
В окно впорхнула бабочка,
Пыльцой мазнув стекло.
Как аппарат летательный,
За ней вплыла оса,
В сентябрьский день блистательный
Творились чудеса.
И самолеты белые,
Идя в аэропорт,
Вираж над крышей делали,
На этот глядя торт!

ЕСЕНИН

Москва
Еще вовсе была
Булыжной. Из лавочки книжной
Он вышел. Пролетка ждала:
Извозчик и конь неподвижный.
Но будто бы из-под земли
Они объявились. Как звать их,
Не знал он... Подстерегли,
Грозя удушеньем в объятьях!

На козлы с извозчиком сесть
Ловчились и встать на запятки:
— Есенин! Великая честь!
Березки! Иконки! Лампадки!

Еще не настолько велик,
Чтоб въявь оказалось похоже
Лицо его только на лик,
Он вздрогнул...
Морозом по коже
Прошла по спине его дрожь,
И, грезя далекой дорогой,
Он призракам крикнул:
— Не трожь!
И бросил извозчику:
— Трогай!

ЭРОТ

Мальчик
Безголовый,
Только два крыла,
Да каким-то чудом тетива цела.
Не Эрот уж вовсе, но и не урод,
В этом старом парке около ворот
Ты забыт, оставлен и давным-давно
Грубо обезглавлен, только все равно,
Безголовый парень, для любовных мук
Вновь тебе подарен будет меткий лук,
И рука, чьих пальцев просит тетива,
И удел страдальцев, даже голова!

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

Что ты за птица?
Ты с ветки на ветку,
С розы на розу, с розги на розгу
Скачешь, как будто хочешь укрыться
В самую дальнюю клеточку мозга!

Клеточки,
Клети и темные клетки!
Всякие Римы, вторые и третьи,
Эти, которыми бредили предки!
Или же целые тысячелетья
Это не больше, чем тысячелетки?
Но и огромные
Тысячелетки
В десятилетки должны превратиться,
Чтобы исчезли решетки и клетки,
Тьма теремов, громоздимых громоздко,—
Все, что тебя заставляло забиться
В самую дальнюю клеточку мозга,
Воображения вольная птица.

ПРОТИВ ВЕТРА

Что ты
Против
Ветра
Ежишься, как еж?
Все-то
Против
Ветра
Песенки поешь!
Только, впрочем, ветра
Не перекричать.
Это очень вредно —
Брось ожесточать.
Тщетно против ветра
Ежиться, как еж:

НЫ С НЕЙ!..

Из лохмотьев ветра
Шубы не сошьешь!

ЗАКАТ

Закат,
Через оптические призмы
Своих биноклей цейсовских взгляни
На очертания моей Отчизны
И все увидишь: и дворцы, и избы,
И тес, и бревна, и седые пни,
Чьи корни с вековечностью сродни,
И лемеха, меха и механизмы —
Механики и техники огни.
И чем ясней увидишь, тем прекрасней
Понятно будет: мы едины с ней!
Мы не исчезнем! Этой старой басней
Себя не тешь, а гасни все грустней,
Ты сам себе предсказанный закат
Европы грустной с головы до пят!

А МОЖЕТ БЫТЬ

А может быть, все позади —
И пыль, и дорожная слякоть,
И пепельные дожди,
И цепи, уставшие звякать.

Но делать привал погоди!
Авось, и поверишь в иное,
Что, может быть, все впереди —
И солнце и звезды с луною!

ПОШЛОСТЬ

А если вновь восторжествует пошлость?

— А кто сказал, что не побеждена
Постылая вчерашность, позапрошлость?
Подать сюда мне этого лгуна!

Чтоб замахнуться, в руки ты берешь
трость...
Но если вновь восторжествует пошлость,
Узнаем, какова тебе цена!

ПТИЦЫ НА ПРОВОДАХ

Шелестенье телеграмм!
Будто бы по проводам из меди
В телеграммах мчатся тени драм,
И трагедий, и трагикомедий.

И не потому ли тут и там
Вдруг на провода садятся птицы
Для того, чтоб гулом телеграмм
В проводах звучащим насладиться!

Ох, уж этот птичий нрав!
Ведь они, а не телеграфистки
Вносят и добавки, и описки,
И поправки, текст не разобрав.

Весть
Передает не переврав
Лишь беспроволочный телеграф!

ПРОСТРАНСТВО

Пространство —
Щит наш верный и оплот,
От жгучей радиации защита.

До этого, конечно, не дойдет,
Но меж заботами труда и быта
Нам забывать не надо никогда,
Что если вдруг случается беда
и некая сжимается звезда
Там, в небесах, почти что без следа,
Как солнце чье-то, будто навсегда
Сведя к нулю века трудов упорных,
То, может быть, и в этих безднах черных
Народ пространстволюбцев непокорных
По колеям путей нерукотворных
ведет невидимые поезда,
Везет в цистернах всяких, на моторных
Тележках, на дрезинах, на платформах
Пространство в самых разнородных
формах,
Чтоб в результате тяжкого труда
Вновь оживилась съеженная точка,
И появилась снова оболочка
На точке, и добрела эта кочка,
Где не было ни травки, ни цветочка,
В громаду вырастая из комочка,
Пространством отвоеванным горда!

МАЛЫШ

Ау далекое услышь
С полос лесозащитных.
Там следопытствует малыш,
Как в дебрях первобытных.
Свирепый и полунагой,
Овеянный ветрами,
Он эту зелень мнит тайгой,
А насыпи — горами.

Но вот он видит с их вершин
Лежащий в сорных травах
Мир отработанных машин,
Погост железин ржавых.
Решетки там и буфера,
Цилиндры, поршни, дышла —

И все иное, что вчера
Из надобности вышло.
Пар испарился без следов,
Остыла топок ярость;
Под крик электропоездов
Заснула эта старость.

Закат.
Малыш домой идет.
И ночью, может статься,
Ему приснится декапод,
Как нам фрегаты снятся.

* * *

Вышла луна.
— Я влюблена
В три валуна.
— В три?
— Посмотри:
У одного
Нет ничего,
Да и другой
Полунагой,
Третий на треть —
Любо смотреть —
Прячется в мох,
В чертополох
И в белену.
И на луну
Еле глядят,
Крепко сидят...
Смотрит на них
Льстиво луна:
Каждый — жених!
Три валуна!

ВРЕМЯ ГОДА

Все кругом
Рыжо, краснобородо,
Ибо, как ты ни кропи, туман,
Пылкость рощ, а в это время года,
Хоть и смотрят тыквы с огорода,
И чего ты ни купи, гурман,
Все равно в такое время года
По дорогам бродит пироман
Или даже просто поджигатель,
Но не запускатели шутих...
Вот как тихо стало. Даже дятел,
Чтобы искр не выдолбить, затих
Именно в такое время года!

НЕБЕСА

Я уж знаю
Твой характер:
Шепчешь ты, что самолет
В небесах — как птеродактиль,
Только задом наперед.
Если б ты
Не знала столько
Про минувшие века,
Приняла его бы только
За утенка, за гуська!
И сама ты
Словно птенчик,—
А кругом туман, роса! —
Как ребенок, как младенчик
Загляделась в небеса.

ОСИНЫЙ ГОРИЗОНТ

Я, подойдя к осиному гнезду,
Увидел нечто белое, как соты,
И порешил: подальше отойду,
Своей хватает у меня заботы.

И от своих не отрываясь дел,
Хоть на меня поглядывая косо,
Но чувствуя, что я их не задел,
Между собой перекликались осы:

— Он не мальчишка — разоритель гнезд,
Не тронул нас, и вы его не троньте.
Так, ясно видимый во весь свой рост,
Стоял я на осином горизонте.

ВЕСНА

А мог бы
Ты гостеприимней
Встречать весну и не реветь,
Как будто бы от спячки зимней
Едва очнувшийся медведь?

Да, если бы
С отливом стали,
Тусклей урановой руды
Так пристально бы не блистали
Летально тающие льды.

И если бы
Во всем накале
Величиной по кулаку
На небе звезды не сверкали,—
Преодолел бы я тоску.

И повстречал бы
Без печали
Весну цветочных лепестков,
Так нежно, как ее встречали
Подснежники спокон веков!

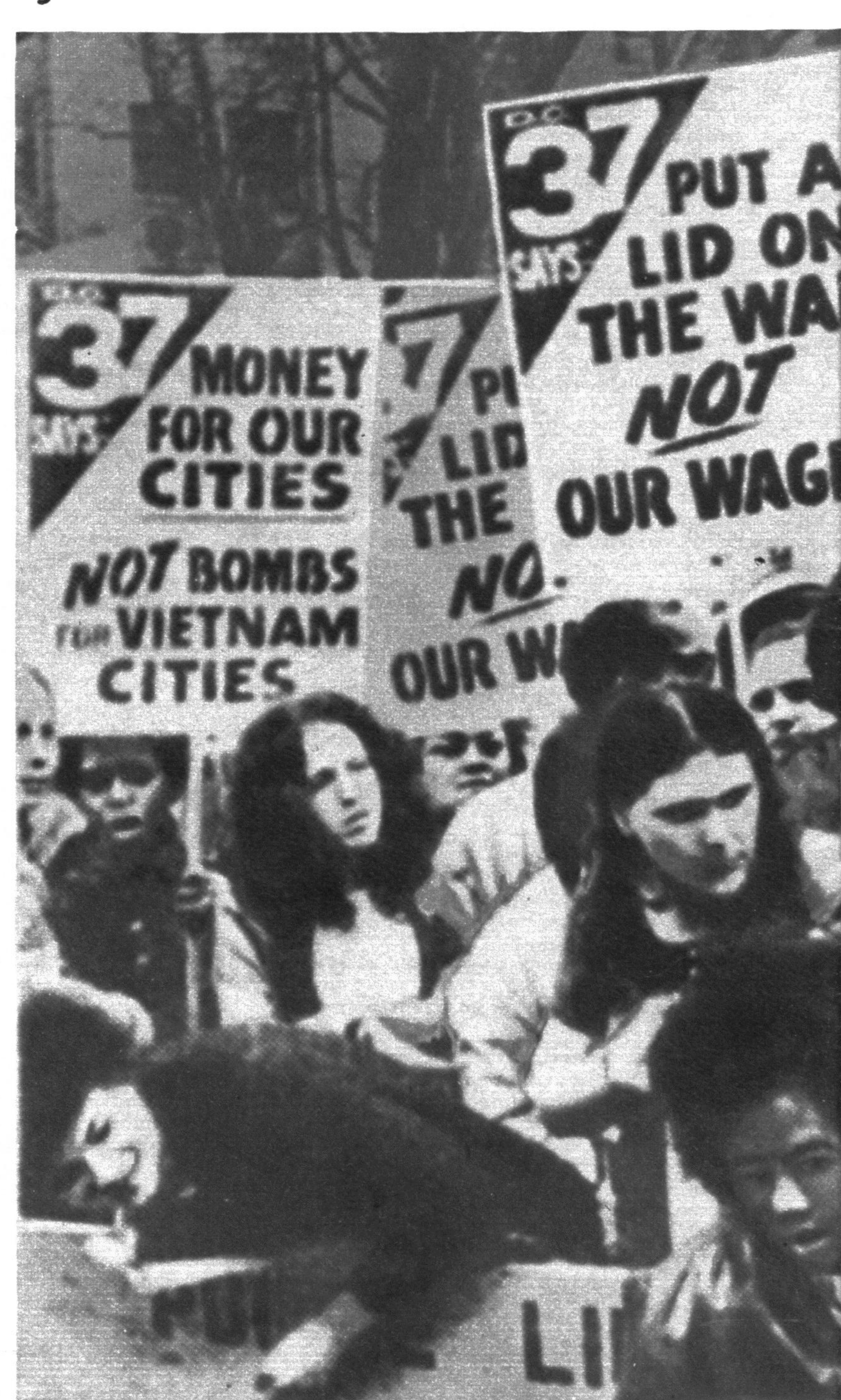

1

ПЛАНЕ

3

Уходящий в историю 1972 год был насыщен бурными международными событиями. По всей планете проходила титаническая борьба за мир, свободу народов и социальную справедливость. В этой борьбе участвуют сотни миллионов людей. Рабочие капиталистических стран требуют улучшения условий труда, повышения зарплаты, прекращения гонки вооружений и войн. Вьетнамцы, камбоджийцы, лаосцы, патриоты Анголы и Мозамбика с оружием в руках отстаивают свое право на свободу и независимость. Повсюду развиваются могучее движение сторонников мира, движения женских, молодежных, крестьянских, профсоюзных организаций.

Огромные сдвиги под влиянием мирного наступления Советского Союза и других социалистических государств происходят в международных отношениях. В 1972 году состоялась историческая советско-американская встреча в верхах. В итоге этой встречи и переговоров между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном подписаны важные соглашения, которые оказывают положительное воздействие как на международный политический климат планеты, так и на советско-американские отношения. Многосторонние консультации в Хельсинки открывают зеленый свет общеевропейскому совещанию по вопросам безопасности и сотрудничества. XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН убедительно показала, что подавляющее большинство правительств планеты выступает за разрядку международной напряженности, ликвидацию военных конфликтов, разоружение и всеобщую безопасность.

Грядущие поколения с благодарностью будут вспоминать тех, кто в 1972 году самоотверженно, героически и последовательно закладывал основы счастья, прогресса и процветания человечества.

1. Бойцы Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама наносят сокрушительные поражения войскам сайгонского режима на всех фронтах. На снимке запечатлен момент успешных операций бойцов НВСО на Центральном плато. Вместе с тем США продолжают тактику проволочек по вопросу о мирном решении вьетнамской проблемы и усилили эскалацию бомбардировок ДРВ и Южного Вьетнама. Эти действия вызывают решительный протест во всем мире.

2. Тысячи демонстрантов прошли по улицам Рима с лозунгами, требующими от правительства США подписания соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Манифестация закончилась грандиозным митингом борцов за мир.

3. Трудящиеся США вынуждены из своего кармана расплачиваться за авантюристическую военную политику Пентагона и требуют прекращения кровопролития в Индокитае. На снимке: участники антивоенного митинга в Вашингтоне. Надпись на одном из плакатов гласит: «Выделите средства на развитие наших городов, а не на производство бомб для разрушения городов Вьетнама».

4. Демократическая Япония гневно протестует против войны во Вьетнаме, для проведения которой используется территория страны. На военном полигоне Китафудзи состоялась массовая демонстрация японских сторонников мира в знак протеста против использования полигона для учебных стрельб танковых подразделений и солдат морской пехоты США. Несмотря на вмешательство японских солдат и полиции, демонстранты устроили пикеты прямо на полигоне.

5. Президент Чили Сальвадор Альенде выступает на митинге рабочих строительной фирмы «Деско». Владельцы этой фирмы после прекращения незаконной «забастовки» предпринимателей и транспортников попытались аннулировать контракты с рабочими и служащими, которые в период «забастовки» выступили в поддержку правительства Народного единства и не прекратили работу. Президент С. Альенде отметил, что правительство не допустит увольнения рабочих «Деско», и указал, что если владельцы фирмы будут продолжать свои антипатриотические действия, то она будет реквизирована и перейдет под контроль государства.

6. Патриоты Ольстера полны решимости продолжать борьбу за свои права, несмотря на массовые репрессии и кровавые расправы английских войск.

7. Бойцы Фронта Освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) продолжают наносить ощутимые удары по португальским колонизаторам. В освобожденных районах патриоты ФРЕЛИМО создают новую администрацию, открывают школы, больницы, помогают проводить сельскохозяйственные работы.

8. Решимость сторонников мира вызывает все возрастающий страх у властей США. С помощью репрессий, арестов и даже убийств американские полицейские и национальная гвардия пытаются подавить «гражданские беспорядки». По данным специального доклада Конгрессу США, только с января 1965 года по октябрь 1971 года гвардейцы были «в деле» 260 раз. А это значит, что практически все силы национальной гвардии, насчитывающей около 380 тысяч человек, используются властями штатов для борьбы с «инакомыслящими». Этот снимок убедительно свидетельствует, к каким методам и приемам прибегают «блюстители порядка» при расправах с защитниками мира. Но американская молодежь полна решимости бороться за свои идеалы мира и справедливости.

Фото ТАСС и ЮПИ.

2

ТА БОРЕТСЯ

4

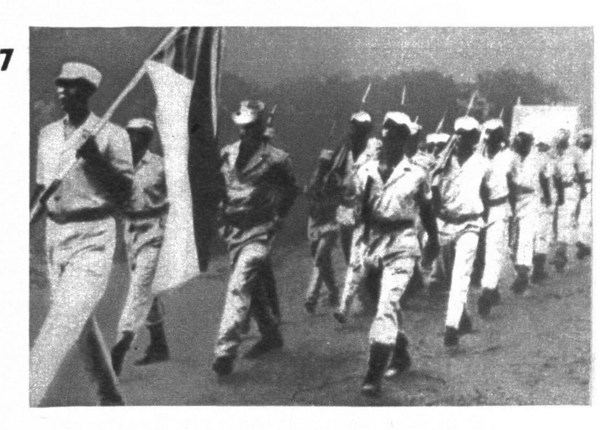
5

6

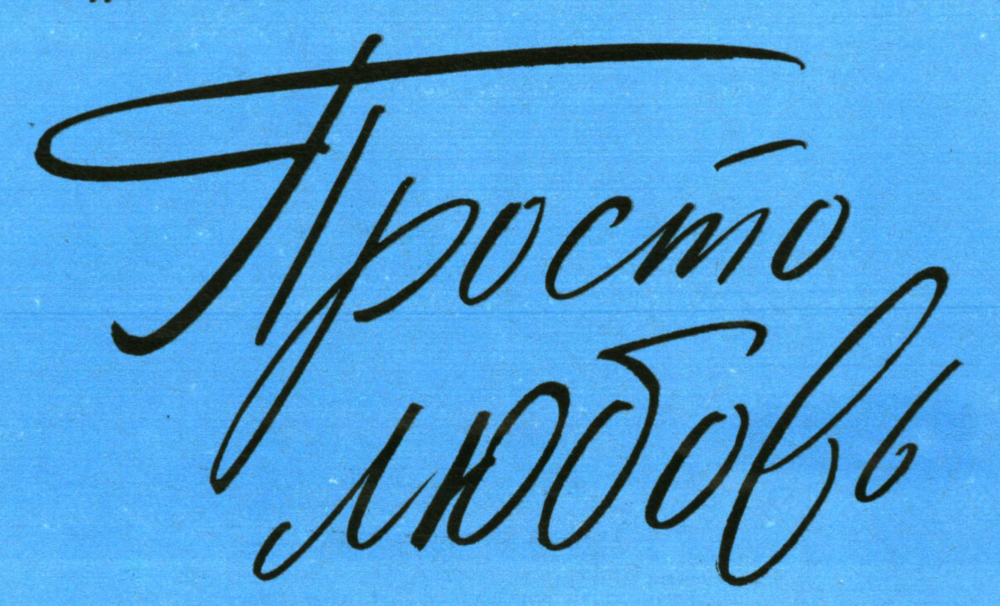
7

8

Ц. СОЛОДАРЬ

Нынешним летом впервые за всю свою двадцатитрехлетнюю жизнь Вика была курортницей. Целых двадцать четыре дня.

Ее поездке в Гурзуф предшествовало много треволнений, в общем и целом приятных. Получение в месткоме курортной путевки. Покупка билета на необычайно перегруженную в разгар курортного сезона авиалинию Свердловск—Симферополь. Выбор в магазинах такого специфически курортного инвентаря, как широкополая соломенная шляпа или предохраняющий от солнечных ожогов крем.

Слово «курорт» волновало Вику своей загадочностью. Заглянув по привычке в словарь иностранных слов, она узнала, что оно происходит от немецкого слова и означает местность, обладающую природными лечебными средствами, в которой созданы лечебные заведения. Сначала Вике стало как-то не по себе оттого, что воспетые Пушкиным черноморские волны и горное солнце Крыма именуются лечебными средствами, а дом отдыха под романтическим названием «Парус» относится к числу лечебных заведений. Но, вспомнив, что во врачебном заключении, на основании которого профсоюз выдал ей путевку, она именовалась «практически здоровой, но находящейся в состоянии некоторого переутомления» Вика снова обрела спокойствие духа.

Впрочем, спокойствие беспрерывно нарушала мама своими наставлениями и внушениями:

— Не перегревайся на пляже.

— Не перекупайся в море.

— Не переедай фруктов.

Но самое доверительное внушение мама изрекла за несколько секунд до того, как стюардесса звонко пригласила уважаемых пассажиров проследовать на посадку. Прижав к груди дочь, мама сказала надрывным шепотом:

— Помни, доченька, на курортах много искателей приключений, тьма-тьмущая! Беги от курортных романов, как от чумы! Я сама в твои годы на Куяльницком лимане в Одессе чуть было не...

Закончить страшное повествование маме помешала властная стюардесса. Но впервые услышанные зловещие слова об искателях приключений Вике запомнились, и, сладко задремав в самолете, она увидела во сне подобного искателя в образе до невозможности красивого гвардейского поручика — из тех, кто окружал на кавказском курорте лермонтовского Печорина.

В Симферополе степенный мужчина с брюшком, напоминавший Вике ее любимого, хотя и двоюродного дядю Митю, с притворной легкостью схватил Викин объемистый чемодан, чтобы погрузить его в багажник. Сначала Вика наградила полнеющего рыцаря благодарной улыбкой, но тут же заподозрила в нем искателя приключений и вырвала у него чемодан. А так как перед самым отъездом Вика лучше всех из педагогического состава школы сдала нормы ГТО по разряду «Сила и мужество», рывок получился довольно сильным, и учтивый спутник с трудом устоял на месте.

Забыв мамины наставления, Вика с первых же дней стала перегреваться на пляже и пере... словом, сверх меры купаться в море. Перед ужином она обычно появлялась на волейбольной площадке, где, к явному неудовольствию некоторых отдыхающих представительниц прекрасного пола, для нее тут же находилось место сразу в обеих командах.

На четвертый день Викина соседка по комнате — брюнетка Люся, чья хрупкая внешность так не вязалась с ее профессией крановщицы, пытливо посмотрела на Вику, словно впервые заметила:

— Слушай, а ты по степени интереса со стороны отдыхающих вышла почти на первое место в нашей смене. На пляже о тебе даже спор загорелся: одни доказывают, что ты определенно из музкомедии, а Алеша, знаешь, черноглазый такой, лучший гасильщик на волейболе, голову в заклад предложил, что ты из научной сферы. Тут я ему и выложила, что ты вовсе старшеклассников литературе обучаешь. А черноглазый-чернобровый на своем стоит. «Это,— говорит,— только подтверждает мою точку зрения. Она еще вполне,— говорит,— молода и свободно может двинуться по научной стежке».— Вздохнув, Люся добавила: — Слушай, ты везучая, сейчас острая мода на золотистых блондинок. И даже самый несовременный видит, что ты, Вика, стопроцентно натуральная.

Вику почему-то расстроило, что причастная к волейболу только как болельщица Люся фамильярно называет Алешей стройного агронома из Араратской долины, действительно показывающего чудеса над волейбольной сеткой.

На пятый день Вика услышала от Люси:

— Слушай, а про тебя опять на пляже полемизировали, что в тебе не то зазнайство, не то некоммуникабельность. Ты, Вика, в самом деле какая-то неконтактная. Правда, Алеша возразил, что иногда зазнайство пришивают скромным. Которые с элементами застенчивости — вот как он сформулировал.

В тот вечер Вика, закончив письмо к маме, неожиданно дописала: «Очень многие, мамочка, здесь совершенно не напоминают курортных искателей приключений. Например, один агроном, который мог бы играть в олимпийской сборной по волейболу».

На шестой день в разгар жаркой волейбольной схватки Вика очутилась лицом к лицу с агрономом. Доморощенный судья запутался в счете, и в паузе Вика успела заметить, как черноглазый агроном через сетку чересчур пристально и с едва уловимой грустинкой глядит на нее.

Викой овладело непонятное безразличие к счету, она в рассеянности прозевала такой легкий пас, что самый пожилой из партнеров пожурил ее. Вика попыталась собраться, но неожиданно для себя и для всех игроков мягким движением руки, словно нарочно, выложила погрустневшему агроному мяч, как говорится, под верный гас. И тут случилось совсем уж необычное: получив такой подарочек, агроном почему-то не вколотил свой знаменитый «гвоздь», а еще более мягким, даже нежным ударом вернул мяч своей золотоволосой противнице. Она уж совсем растерялась и даже не попыталась взять мяч.

На все эти странные происшествия на волейбольной площадке Вика отреагировала совсем не оригинально: ночью она долго не могла уснуть. И с трудом превозмогла желание разбудить сладко посапывавшую во сне Люсю и спросить: «Почему он не воспользовался моим дурацким промахом и не погасил мяч своим коронным ударом? Ну, почему?! Неужели это коварная уловка искателя приключений?..»

Вика и Алеша покидали «Парус» в дождливый день. Самолет на Ереван уходил, правда, часа через четыре после свердловского, но Алеша поехал на аэродром тем же автобусом, что и Вика.

Всю дорогу он молчал. И только на аэродроме, подстегнутый объявлением по радио, что начинается посадка на свердловский самолет, усердно откашлялся, глотнул воздуха и сказал:

— Вика... Я готов надавать себе пощечин! Как я мог допустить, чтобы из двадцати четырех путевочных дней мы с вами познакомились только на седьмой!

— Теперь это уже значения не имеет,— небрежно заметила Вика, целиком якобы поглощенная плакатом «Собираясь в дальний путь, аккредитив взять не забудь!». Затем в упор взглянула на агронома: — Не обижайтесь, но я должна вас спросить... Почему это, с кем бы вас ни познакомили, вы сразу же называете себя Алешей? — И, отразив его попытку возразить, она строго продолжала: — По-моему, кое для кого... в частности для некоторых... девушек вы могли бы остаться Алексеем... И даже по отчеству... Только, пожалуйста, без обид, Алеша!

Обидеться, однако, пришлось самой Вике — таким громким и откровенным хохотом отозвался агроном:

— Я не Алексей! Я Алеша! По паспорту Алеша. Могу показать.— Он потянулся за бумажником.

— Не надо,— остановила его просветлевшая Вика.— Я верю вам, верю! Весной по радио я услышала, что ворота «Арарата» защищает Алеша...

— Вратарь Абрамян?

— Вот именно. Тогда я удивилась, а теперь... теперь я понимаю... Впрочем, теперь это уже не столь важно,— безразличным тоном сказала Вика,— вы скоро забудете о нашей встрече...— И, заметив резкое движение Алеши, поспешила поправить себя: — Ну, может быть, не так скоро. Но уж в будущем... году,— она чуть не сказала по привычке «в будущем учебном году»,— вы даже не сможете вспомнить, как меня зовут.

Алеша с необычным спокойствием выслушал эту тираду. И тихо спросил:

— Где вы будете встречать будущий год?

— Новый год?

— Новый.

— Как всегда, дома. У нас традиция: собираются все двоюродные сестры и братья. Всего шестеро.

— А ваши двоюродные сестры и братья — всего шестеро — не ужаснутся, если в новогоднюю ночь увидят... допустим, меня?

— Как же это... вам удастся? Что вы!

— Разве Урал и Арарат находятся на разных планетах?

— Но до нашего городка от Свердловска целых полтора часа на поезде!

Диалог оборвало внушительное напоминание по радио, что посадка на самолет заканчивается...

На этот раз Вика в самолете уже не дремала. Она решала сложную задачу: если Алеша — имя полное, можно сказать, паспортное, то как же звучит уменьшительное от Алеши? Вспомнив, что в учебниках имена уменьшительные отождествляются с ласкательными, Вика зарделась и решила прогнать такие недопустимые для воспитательницы подрастающего поколения мысли.

Для этого она попыталась представить себе, что подумал бы Алеша, если бы она на прощание вдруг поцеловала его. Но тут же вспомнила доверчивые глаза девятиклассников и особенно девятиклассниц, когда она разъясняла им, как глубоко осуждены в романе Чернышевского «Что делать?» поцелуи без любви.

«Так то же без любви,— услышала Вика тот самый внутренний голос, который во многих произведениях художественной литературы вовремя выручает героинь.— А у тебя ведь...» Но Вика самоотверженно заглушила этот внутренний голос, самокритично обозвав себя искательницей приключений!..

...Облаченные в резной деревянный наряд стенные часы, купленные еще Викиным дедушкой, прозвонили двенадцать раз. Дядя Митя, заслуженно считающийся лучшим тамадой в многоступенчатой семье, провозгласил новогодний тост. За столом, перебивая друг друга шумными восклицаниями, все чокались.

Одна Вика мыслями была далеко, точнее, на симферопольском аэродроме. «А ваши двоюродные сестры и братья — всего шестеро — не ужаснутся, если в новогоднюю ночь увидят... допустим, меня?»

Двоюродные сестры и братья тянулись к Вике с поздравлениями и поцелуями, не замечая ее далеко не праздничное настроение. «Наивная ты дурочка,— твердила она себе,— нашла кому верить? Типичному искателю приключений. Хорошо еще, что не разболтала сестрам насчет мифического приезда этого донжуана с агрономическим дипломом, а то сгорала бы сейчас от стыда...»

После ужина, сославшись на головную боль, Вика не стала танцевать. Незаметно выйдя в переднюю, она зарылась головой в мохнатый дядин полушубок и стала припоминать, какая же из популярных литературных героинь проявила столь же легкомысленную наивность? От литературно-исследовательских изысканий ее отвлек звонкий голос дяди Мити:

— Прошу всех к столу в порядке застольной дисциплины! Друзья, через пять минут исполнится ровно два часа нашей жизни в новом году. Так по этому поводу разрешите с этим маленьким бокалом, но с большим чувством...

Короткий, робкий звонок заставил Вику броситься к входной двери.

Как вы и предполагали, на пороге стоял Алеша. Как вы и предполагали, он улыбался. Но ни я, ни вы не предполагали, что Вика с места в карьер набросится на него с упреками:

— Почему же ты... вы опоздали на целых два часа? Ведь по местному времени у нас на Урале новый год уже наступил!

— А у нас, близ Арарата, он наступит по местному времени только через час,— спокойно возразил Алеша.— Разве же ты... вы не знаете, что в случаях... неповторимых и официальных, принято придерживаться московского времени? А у нас с тобой... с вами сейчас случай неповторимый, и если здесь налицо ваша..., твоя твоя семья, то случай в некоторой степени официальный...— И, включив маленький транзистор, воскликнул: — Надо торопиться, до нового года — ровно минута!..

Благополучный, традиционно новогодний конец, скажете вы.

Согласен, благополучный. Но не традиционно новогодний. Вика и Алеша не могли не встретиться, ведь они полюбили друг друга. Понимаете, просто любовь. Самая настоящая, хотя и началась она на курорте, где в отдельных местах еще попадаются в отдельных случаях отдельные искатели приключений.

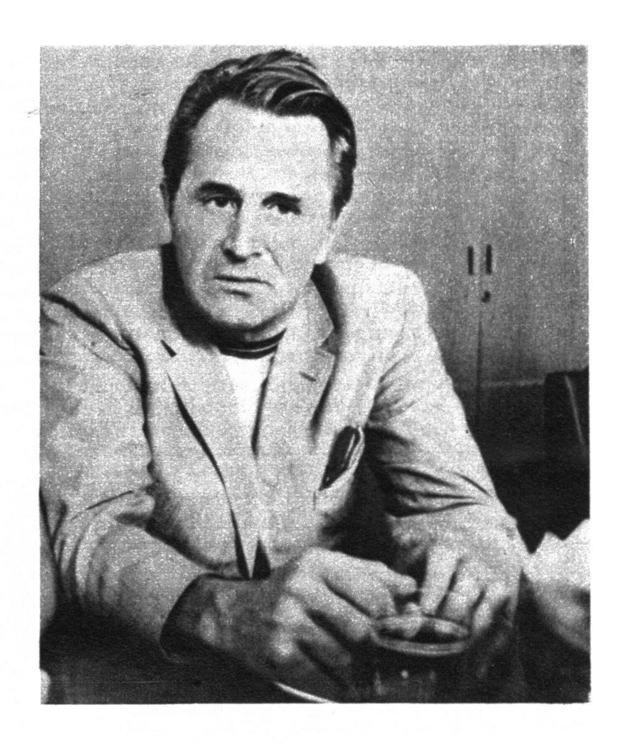
К. Коваль (Уссурийск). УССУРИЙСКАЯ МЕТЕОСТАНЦИЯ.

BAR

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Известный английский писатель Джеймс Олдридж, друг нашего журнала, передал «Огоньку» повесть «Спортивное предложение», которую мы и начинаем печатать в этом номере.

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Глава I

Нелегко рассказать историю того, что происходило со Скотти Пири и его пони Тэффом в то лето. Потому что дело не только в судьбе мальчика и его лошади — во всем этом было заложено нечто большее. И не случайно события эти остались заметной страницей в летописях нашего австралийского городка. Сопоставляя обстоятельства, я не раз испытывал желание выйти за пределы темы и описать заодно и другие драматические события, через которые довелось пройти нашему городу в те годы. Ведь даже в том году, о котором идет речь, подобных случаев было предостаточно.

Один из двух частных самолетов, находившихся в нашем городе, разбился при попытке пилота пролететь под аркой речного моста; пожар, начавшийся в зарослях, подходил на угрожающе близкое расстояние к полям пшеницы — источнику доходов всего населения; наконец, изрядное число людей пострадало от несчастных случаев.

Разумеется, все эти происшествия не имели никакого отношения к Скотти Пири. Но именно он, вместе со своим пони Тэффом, и оказался подлинным яблоком раздора среди горожан, причиной их раскола на два лагеря: на тех, что были за Скотти, и тех, кто был против; на обвинителей и защитников; на рассудительных и заблуждающихся; короче говоря, на поборников справедливости и пренебрегающих ею. Если учесть, что тогда Скотти было тринадцать лет, то вызвать всю эту сумятицу было немалым подвигом с его стороны. Правда, он тут ничего не делал с умыслом, хотя мне, его сверстнику, всегда казалось, что нечто подобное должно было стрястись именно с ним. У него, видно, была такая жилка — нарываться на неприятности. Он упрямился сверх меры, проказничал, причинял людям беспокойство где только можно. Сидело в нем и своевольное «нравится — не нравится». Впрочем, допускаю, что только одному мне Скотти казался таким.

Для городка на границе зарослей Скотти Пири был просто одним из неотесанных «переселенческих мальчишек», которых всегда стоит за что-нибудь отчитать. И, может быть, это и послужило подлинным началом тех событий — ведь все местные драмы были лишь отражением нашего собственного образа жизни; наш мир был ограничен: с одной стороны — обширными зарослями, с другой — сотнями тысяч акров пшеницы, а посреди, по равнине, протекала замечательная наша река, быстрая и полноводная в зимние месяцы и пересыхавшая до размеров чуть ли не ручья летом. Собственно, у нас было две реки: вторая, меньшая, текла повыше города и впадала затем в большую, образуя остров. Скотти знал каждый дюйм земли на берегах обеих рек, и это сыграло важную роль в описываемых летних событиях. Хотя немалая роль выпала и на долю владельца обширной скотоводческой фермы «Риверсайд», раскинувшейся по ту сторону реки. Хозяйство «Риверсайд» в те времена было богатейшим в штате Новый Южный Уэльс, и его владелец Эллисон Айр как раз и оказался главным противником Скотти, когда произошло разделение горожан на два враждующих лагеря.

Итак, мы были всего лишь маленьким австралийским «городком на краю зарослей», в котором, однако, было несколько неплохих школ, кинотеатр, газета (единственным репортером которой я стал впоследствии), гостиница, шесть пивных, два самолета, ипподром, площадка для гольфа и, конечно, Главная улица под сенью перечных деревьев с их клочковатой листвой. И все-таки мы жили под давлением самых разнообразных житейских обстоятельств, и по причине ли имущественных различий или из-за несходства социальных воззрений никогда не были сплоченным целым. Трудно представить себе что-нибудь более безрадостное. Мы были и богатыми и бедными, культурными и невежественными, скупыми и великодушными, привлекательными и отталкивающими, современными и старомодными — и так далее и так далее.

Что касается самого Скотти, то хотя он и оказался началом и концом всей этой истории, мне трудно сказать, с чего она, собственно, началась. Для горожан, как я уже сказал, Скотти был обыкновенным мальчишкой из зарослей — он жил в пяти милях от города, на старой, заброшенной ферме, вместе с отцом и матерью, выходцами из Шотландии. Сколько я ни вспоминаю Скотти, он поражал меня тем, что всегда неожиданно

появлялся и столь же внезапно исчезал, низко пригнувшись к гриве своего валлийского пони Тэффа. Как правило, в город он скакал по Главной улице, но, возвращаясь домой, почему-то мчался в объезд, словно в чем-то провинившись. Мальчик и пони, казалось, плыли по воздуху, мелькали среди деревьев и исчезали из виду, словно бы их и не было, испаряясь раньше, чем поймаешь их глазом. В этом не было какой-либо намеренной издевки или хвастовства — просто Скотти любил досыта насладиться красотами окружающего ландшафта и делал это с увлечением. Право, я не знал никого, кто умел бы так возникать ниоткуда и пропадать неизвестно куда, как он.

За Скотти числилось много всяких проделок, в большинстве — слишком мелких, чтобы запомниться надолго. Но некоторые сохранились в моей памяти и помогают теперь нарисовать тот общий фон, на котором развернулись последующие события. Вот примеры.

Джон Т. Кримэн, машинист пассажирского поезда, курсировавшего между Венбоу и нашим городом Сент-Хэлен, однажды вынужден был пожаловаться начальнику станции на то, что этот мальчишка Скотти устраивает верхом на своем пони... скачку наперегонки с поездом, подвергая себя и лошадь серьезной опасности. Дело в том, что в излучине реки, там, где она приближается к городу, была большая сухая отмель. Линия железной дороги проходила почти вплотную к этой отмели, а затем сворачивала снова к реке. И здесь-то Скотти, если ему случалось попасть туда вовремя, начинал свою скачку в обгон поезда, когда машинист, проезжая мимо отмели, замедлял ход. Это было, конечно, опасно — скакать сломя голову по рыхлому, неровному песку, но Скотти и Тэфф тут словно срастались в одно существо: рытвины, кроличьи норки или кустики травы — все было нипочем для несущегося в карьер Тэффа и приникшего к нему всадника.

Сложнее было дело с поставленной там загородкой из колючей проволоки: она начиналась почти у самых рельсов и тянулась до отмели. Перед Скотти, скакавшим очертя голову вровень со старым паровозом марки А3, не раз уже оставался выбор: либо обогнать паровоз и проскочить у него под носом на другую сторону полотна, либо сбить загородку или же слететь кувырком вместе с пони с высоты в двадцать футов прямо в реку. Обычно ему удавалось буквально впритирку проскользнуть перед паровозом, и каждый раз, когда он делал это, Джон Т. Кримэн и кочегар Энди Андерсон становились, по их словам, мокрыми от пота, как пудель после купания в реке: машина проносилась в каком-нибудь десятке дюймов от Скотти!

Но на этот раз случилось так, что поезд шел со скоростью 25 миль в час вместо обычных 20, и Скотти явно не мог поспеть. Джон Т. высунулся из кабины и стал неистово махать Скотти каким-то лоскутом, крича во всю глотку:

— Не смей! Слышишь, не смей! Я иду слишком быстро...

Но Скотти уже разогнал пони до того, что лошадь словно месила всеми четырьмя ногами воздух. И всадник только еще ниже пригнулся и чуть ослабил локти — этот намек как раз и требовался Тэффу, хотя он и без того вытянулся, как змея, и летел, прижав уши, с развевающейся гривой. Но уже было очевидно, что им со Скотти не проскочить.

— Давай тормоз! — заорал кочегар.

— Поздно! Мы уже поворачиваем к реке! — крикнул в отчаянии Джон Т.

— Они расшибутся о загородку!

— Нет! Полетят в реку!

Но все произошло по-другому.

Тэфф внезапно, с размаху уперся всеми четырьмя копытами в сухую глинистую почву и встал намертво, как вкопанный. Скотти выбросило через голову лошади в воздух, и он пролетел свои двадцать футов вниз и с громким всплеском ушел под воду.

Джон Т. и Энди Андерсон, толкаясь, высунулись из кабины и смотрели назад до тех пор, пока не убедились, что Скотти вынырнул. Они еще успели проследить, как он плыл к берегу. Потом потеряли его из виду.

Тут-то они, изнервничавшись до крайности, написали рапорт начальнику станции, а тот сообщил полиции. Полицейский сержант Джо Коллинз явился в школу, и Скотти вызвали к директору. После суровой нотации и строжайшего предупреждения он получил свои три крепких удара кожаной плеткой по пальцам левой руки и был отпущен с миром.

Мы хорошо знали, как больно дерется старая кожаная плетка. Знали и то, как унижает каждого это наказание. Скотти же такие вещи никогда не выводили из равновесия. Вернее, он не показывал вида. Он был очень стойким парнем, никогда не впадал в легкомысленно-благодушное настроение, как многие из нас, с неохотой шел на откровенность и очень не любил отвечать на расспросы. На этот раз он почему-то был очень недоволен Тэффом.

— Тэфф ни за что не подойдет близко к воде, хоть убей его! — возмущался Скотти. — Он боится даже ступить в лужу глубиной в дюйм. Прошлой зимой, когда вода затопила ферму, он взобрался на кучу навоза, и увести его оттуда нельзя было никак. Да он скорее издохнет, чем прыгнет в реку. А так, — закончил Скотти, недоумевающе пожимая плечами, — Тэфф годится на любое дело...

«Как и сам Скотти», — подумалось мне.

Если глубже вникнуть в случай с поездом, он раскрывает многое в облике и характере Скотти. Мальчик всегда, тайком и молча, настраивал себя против неравенства и несправедливости, которых было предостаточно в жизни нашего города. Или, вернее, против всего, что в городе как бы грозило ему: «Нельзя!» Он ополчался не против всего города, а против тех частностей, которые очень больно подчеркивали беспросветную бедность его семьи.

Родители Скотти были похожи на него — по крайней мере в одном: в них была заложена спрятанная внутрь готовность к отпору, нечто вроде инстинктивной самообороны. Это затрудняло общение с ними. Но если вам удавалось однажды преодолеть этот барьер, становилось понятно, почему они такие. Энгус Пири и его жена (ее имени мы так и не узнали) приехали к нам в Сент-Хэлен в начале 1920 года прямо из какой-то мрачной трущобы в Глазго. Оба выросли в одном из тех хмурых уголков Клайдбэнка, где никто не видал деревьев, травы, кустов, даже клочка голубого неба. Их вывезла (другого слова не подберешь) из Англии в Австралию общественная организация, именовавшаяся «Движением больших и малых соседей». Организация помогала британцам эмигрировать, сменяя английскую нищету на австралийскую. Она отправляла за океан людей, которые не были в состоянии сделать это сами. Но что могла им предложить Австралия? Только труд на земле; поэтому эмигранты из трущоб Англии, Шотландии или Уэльса часто селились на бросовых землях, настолько бесплодных, что на них не прокормилась бы и кошка.

Так и Энгус Пири с женой осели в пяти милях от нашего города на низинном участке земли, купив его у местной организации «Больших соседей». Летом земля превращалась в железо, зимой — в болото, кроме того, это был почти сплошной солончак. Для человека, мало смыслящего в хлебопашестве или огородничестве, почти ничего не знающего о пыльных бурях, наводнениях, о рогатом скоте и лошадях, это было все равно, как для маленького ребенка водить самолет.

Правда, Энгус Пири, тощий, низкорослый, всегда полуголодный шотландец, все-таки изо всех сил старался «вести свой самолет». Вместе с тонкорукой, светлоглазой, грустной маленькой женой они как-то ухитрялись прожить, хотя никто в городе не мог понять, как именно. Их все жалели, но они никогда не искали жалости и особенно не терпели, когда им эту жалость высказывали в лицо. О них в городе всегда говорили: «эти бедняки Пири»; с годами Энгус Пири как бы становился еще ниже ростом, мрачнее, делался молчаливее. В городе он показывался редко: чуть не круглые сутки у него отнимала отчаянная борьба с трясиной, засоленностью почвы, непогодой, иначе не добыть было хоть немного молока на продажу от четырех коров да люцерны с луга им на корм.

Моя мать говорила мне, что, когда родился Скотти, никто об этом в городе так и не узнал, пока через несколько месяцев полиция не привлекла Энгуса Пири за уклонение от регистрации ребенка в законный двухмесячный срок. Энгуса избавил от штрафа мой отец, городской адвокат и ходатай по делам (в Австралии эти профессии объединяются в одном лице). Он использовал параграф закона, по которому срок регистрации может быть удлинен — при «смягчающих обстоятельствах». Мой отец, истый англичанин среди самодовольных горожан-австралийцев, нашел смягчающее обстоятельство в самой жизни незадачливого шотландца: отлучиться в город для регистрации сына было Энгусу, особенно в такое время года, просто невозможно. Отец подал сердитую петицию в суд, где описал ежедневный — от зари до зари — трудовой день Энгуса Пири на клочке бесплодного солончака, который навязали ему на шею «некие австралийцы». Вдобавок он пригрозил возбудить расследование: кто и как вообще имел наглость дать Энгусу такой бросовый участок. Судья, сам бывший ходатай по делам и к тому же агент по продаже недвижимости, решил утихомирить моего отца и тут же прекратил дело, сняв обвинение с Энгуса Пири.

Так состоялось первое оповещение города о рождении Скотти. Увидели мальчика, правда, не раньше, чем ему исполнилось четыре года. Однажды в солнечный летний день миссис Пири пожаловала в город вместе с супругом и сыном, пройдя пешком пять миль. Никто не мог сообразить, зачем, собственно, они пришли, мы, мальчишки, решили, что это было нечто вроде семейного празднества.

Энгус Пири отлучился по каким-то делам, оставив жену с сыном одних. Они решили пройтись по Главной улице, останавливаясь перед каждой витриной и даже перед окнами ресторана «Алмаз». Потом уселись на скамейке у тротуара и стали ждать.

Ждать — чего?

Чтобы кто-нибудь приветливо поздоровался с ними? Или случая поболтать с кем-нибудь по-соседски? Миссис Пири не знала ни единой души в городе. У нее и в зарослях не было знакомых соседей, кроме семьи огородников, торговавших на Китайском рынке. Она сидела на скамье молча, ее светлые глаза шотландки упорно глядели куда-то вверх, словно она вспоминала о сумрачной улице большого города, всегда окутанного туманом с морского залива, дымом и копотью.

Другое дело Скотти. Он был весь — любопытство. Он не очень был похож на черноволосого, худого отца да и на мать тоже — с ее бледным, веснушчатым, простодушным и каким-то отрешенным лицом. У Скотти, наверно, было всего понемногу от обоих, но он и отличался от каждого из них. У него были живые, пытливые, настороженные голубые глаза, смешной рыжеватый хохолок торчал над ярко-розовыми ушами; он без устали, молча, пристально вглядывался в лицо каждого прохожего, словно стараясь решить, свой ли это человек или чужой. Скотти и впоследствии делил так людей для себя: может быть, он уже тогда, сидя на скамье, готовил раскол, который возник в нашем городе?

Моя мать видела их в тот день и позднее говорила мне:

— Никогда не встречала такого непоседливого и беспокойного ребенка. Он все время вертел головой во все стороны, подскакивал и даже залезал под скамью.

Описание моей матери было очень выразительно, особенно продолжение.

— Зато сразу было видать, — говорила она, — что мальчик очень привязан к своей маме, которая, видно, очень нуждалась в этом. Он даже не позволял никому сесть с ней рядом или коснуться ее. Это было видно по его упрямому личику и сжатым кулачкам: «Не смей трогать!»

В этом рассказе сквозила естественная симпатия одной матери к другой. Но Скотти и впрямь готов был позже обрушиться на обидчика, неуважительно отозвавшегося о его безответной матери или мрачном отце.

Он и не мог иногда не лезть в драку. Отец его был из того сорта людей, которых наши городские сорванцы (да и некоторые взрос-

лые) считали «забавной дичью», за которой всегда можно поохотиться. Бывая иногда в городе по субботам, Энгус Пири неизменно направлялся в пивную, чаще всего в «Белый Лебедь», выкладывал на цинковую стойку четыре шиллинга и требовал пива сразу на всю сумму. Пиво он приканчивал немедленно и, не задерживаясь, уходил — уже заметно опьяневший, но держась на ногах. Тут-то наши городские хулиганы и начинали преследовать его толпой по шоссе, которое, видно, уже двоилось у него в глазах. Они передразнивали каждое его движение, карикатурно подражали его малопонятному, жесткому шотландскому бормотанию, даже пытались развязать шнурки на его разбитых башмаках. Он брел, пошатываясь, не замечая возбужденного им веселья и насмешек.

Когда Скотти немного подрос и увидал однажды все это, он нашел единственный выход — встречать отца у пивной и провожать его на ферму. В бессильном гневе он наблюдал, как наслаждаются своим кривляньем хулиганы. В нем уже жила злая, затаенная мечта о мести.

Однажды двое хулиганов, братья Саутби (оба были сами навеселе), нашли где-то старую женскую соломенную шляпку, вроде той, что носила миссис Пири, и стали изображать Энгуса, идущего по улице под руку со своей супругой. Скотти, не произнеся ни слова, стал швырять в них кусками засохшей грязи, камнями, конским навозом — всем, что попадалось под руку, а потом всей тяжестью маленького своего семилетнего тела ринулся на ближайшего из братьев, пытаясь сбить его с ног. К счастью, оба парня Саутби были не худшими из городских бездельников — у них просто была страсть глупо вышучивать все, что только попадется на глаза. Они придержали Скотти и по-пьяному слегка потормошили его. Но больше они не позволяли себе этих выходок, а Скотти, случайно встретясь с ними на улице, никогда не упускал случая поглядеть на них в упор ненавидящими, непрощающими глазами.

В нашей семье только отец осуждал эти вспышки пьянства у Энгуса Пири. Мать возражала: что еще делать человеку, чтобы хоть на время забыть свою нищенскую, несчастную жизнь? Отец настаивал: на это уходят деньги, добываемые тяжелым, каторжным трудом! Хуже того, пьянство делает человека презираемым, морально падшим в глазах всего города.

Супруги Пири числились у нас «свободными австралийцами», но на деле это были нищие крестьяне, опутанные по рукам и ногам долгами у ростовщиков. Таких было двое — торговец зерном и бакалеей Дормен Уокер и мясник Фленниген. Пири никогда не покупали одежды, вместо электрического света пользовались керосиновыми лампами. Энгус настолько залез в долги, что у жены его месяцами не бывало лишнего пенса на домашние расходы. Она сама пекла хлеб из муки, взятой в кредит, провизию покупала в кредит, сама сбивала масло из двух литров молока, оставляемых на неделю для себя.

Наступил день, когда Энгус Пири привел сына в восемь часов утра к зданию нашей школы и оставил его одного: Скотти предстояло самому объяснить директору, кто он и что. Он прождал этот час молча на ступеньках лестницы, не отвечая ни словом на наши поощрительные восклицания, потом вошел в здание, и с этого началась его школьная жизнь.

В школу он добирался верхом на неоседланной старой кобыле вместе с Биби Данси, таким же мальчиком из зарослей, жившим на ферме немного дальше по шоссейной дороге. Биби был на три месяца старше Скотти. Оба ехали на спине кобылы, один позади другого, их босые ноги болтались, как запоздалые листья на ветру. С полдюжины мальчиков с ферм приезжали вот так же верхом или в фургоне, но Биби и Скотти были самыми младшими и самыми бедными, да и ростом были так малы, что могли попасть на спину к кобыле, только взобравшись на ограду школы. У кобылы же давно пропала охота бежать рысью, и поездка отнимала у ребят по часу времени в каждый конец.

Такой способ передвижения может нынче показаться примитивным, но в то время он не вызывал недоумения: условия жизни большей части населения были исключительно трудными, на фермах подчас царила нищета, хотя наш округ был одним из богатейших по овцеводству, пшенице и цитрусовым не только в Австралии, но даже по сравнению с другими странами. Бедность сказывалась и на детях. Супруги Пири не считали чрезмерно утомительным для мальчика девяти лет поработать часок-другой на ферме: наколоть дров для кухни, орудуя полновесным колуном, убрать стойло для коров, натаскать воду в корыта, вымыть молочные бидоны — и все это с утра, перед отъездом в школу. То же самое приходилось Скотти повторять и вечером. Завтрак, который мать давала ему с собой, состоял из двух ломтей домашнего хлеба и яйца, иногда огурца или помидора.

С первых школьных лет Скотти, как и все мы, попадал во всякие переделки, часто опасные. Он чуть не утонул, затеяв переплыть разлившуюся зимой реку. В девять лет он чуть не умер от укуса игуаны; его спас учитель по имени Кэг Кинзер, который вырезал ему добрый кус мяса вокруг укушенного места. Как истый «зарослевый» школьник, Скотти приносил и совал в стол к учителю ящериц с гофрированными шеями — устрашающих на вид, но безвредных. Он жестоко дрался в укромных местах со всяким, кто оскорблял его. Скотти не носил башмаков (как и все мы в этом возрасте), и у него всегда был распухший большой палец на ноге — оружие, которым он поражал соперников. Немало у него было стычек из-за насмешек школьников над его слишком короткими вельветовыми брюками и цветастыми рубашками, перешитыми миссис Пири из старых платьев. Однажды он явился в школу в халате (мы все надевали на занятиях халаты), сшитом из какой-то китайской ткани, подаренной его матери соседями-огородниками; Скотти надел халат всего один раз и решил, что носить его всегда — ниже его достоинства.

Так шли дни. И вдруг погиб Биби Данси, верный спутник Скотти! Старая кобыла как-то вечером на шоссе испугалась подкравшейся игуаны, попыталась перескочить через канаву, подмяла под себя Биби и сама сломала передние ноги. Биби так и не вернулся из больницы, а кобылу пришлось пристрелить. Так Скотти остался без всяких транспортных средств — ему пришлось одолевать по пять миль от дома до школы и обратно пешим порядком. В его возрасте делать это ежедневно было не под силу. Он стал все чаще пропускать занятия, и директор по долгу службы известил об этом школьного инспектора штата, а тот передал дело нашей полиции.

Энгус Пири вторично предстал перед судом — на этот раз за уклонение от обучения сына в школе. И снова мой отец выручил его из беды, заявив суду, что принесет жалобу правительству штата на то, что не принимаются меры для обучения Скотти на дому, а это предусмотрено законом штата в случае дальности места жительства ученика. Тогда же отец обратился и к «Большим соседям» и в резкой форме потребовал принять надлежащие меры в отношении Скотти.

Отец, видно, немало напугал «Соседей», и они решили не спорить с ним. а обратились к Эллисону Айру, владельцу большой скотоводческой фермы «Риверсайд». Эллисон был известен как большой любитель и знаток лошадей. Кроме кровных верховых лошадей, и рысаков отличной выездки, и рабочих лошадей, которых он разводил на ферме и затем продавал по всему штату, у него был еще небольшой табун валлийских пони ростом не выше 14 ладоней [1]. Коренная валлийская порода смешивалась с чистокровной арабской — получились прекрасные, выносливые животные с красивыми головами, свисающими до земли хвостами и густыми гривами золотого отлива...

Пони паслись на воле в зарослях и по берегу реки и выглядели все одинаково, как близнецы, все без изъянов, пятен или других примет, все цвета серой замши, друг от друга их отличить было невозможно. Примечательны они были по своему характеру: до приручения норовистые, независимые, хитрые, упрямые, своевольные. После они становились пригодными для любой работы — в упряжке или под седлом, для поездок по городу и по сельским проселкам, для перевозки тяжестей и для беспечального житья в роли забавных малышей в богатых семьях.

[1] Мера измерения роста лошади.

Одного из этих пони Эллисон Айр предложил «Большим соседям» для Скотти. Они взяли его, неприрученного, и свезли к Энгусу Пири. Но тот заявил, что не примет от них пони даже в подарок: Энгус сохранил достаточно озлобления и горечи по отношению к этим своим «благодетелям». На своем жестком шотландском диалекте он повторял, что его сын лучше будет ходить в школу за сто миль, чем примет подачку в виде этой «дурацкой скотинки». И опять-таки мой отец уговорил Энгуса купить пони, что тот и сделал, выложив три фунта — сумму для семьи Пири баснословную. Получилось новое приращение к долгу, который еще больше привязал семью к Дормену Уокеру — больше им брать взаймы было негде.

Так Скотти стал владельцем маленькой лошади, которую назвал Тэффом. Два месяца ушло на то, чтобы приручить дикое, своенравное, упрямое животное. Наконец, Скотти — не без опаски — выехал на нем в город, а там стал ежедневно ездить в школу. Пони вел себя непристойно: в первый же день сорвал и измял стоявшую во дворе школы летнюю палатку, потом сбежал сам, и вернуть его удалось лишь с помощью школьников. Двоих из них Тэфф ушиб копытом, но Скотти успел накинуть узденку и вскочить ему на спину, вернее, на шею, ибо сорванец взял прямо с места галопом, и Скотти пришлось долго мотаться от шеи к заду Тэффа, пока удалось обрести равновесие. А Тэфф все несся галопом безостановочно, не переводя дыхания.

Таким же галопом отбывал Скотти из школы ежедневно, крепко прижимаясь к вздрагивающим, нервным бокам своего непокорного друга.

Глава II

Причиной того, что «мальчика из зарослей» стали больше замечать горожане, был, конечно, пони Тэфф. Впрочем, их нельзя было представить одного без другого. Эта их слитность была столь необыкновенной, что, казалось, оба только и думали что друг о друге. Да, это была тесная и теплая дружба. Добиваясь от лошади полного послушания и бесстрашия, Скотти то и дело заставлял Тэффа выкидывать самые невероятные штучки — и в городе и в зарослях. Тэфф отвечал тем, что по-прежнему пускался с места вскачь, не дожидаясь, пока всадник удобно устроится на его спине. Он часто упрямился, кусал хозяина, пропадал и вообще допускал хулиганские выходки, которые ему, видимо, нравились. Но именно потому, что оба они были неразлучны, у каждого словно выработался инстинкт взаимопомощи и взаимной выручки в беде.

Наш городской парикмахер Джек Линнер по кличке «Четыре ноги Роб-Роя» однажды окликнул проезжавшего Скотти из окна своего заведения. В парикмахерской сидело несколько посетителей, в том числе мистер Джеклин, торговец лесными товарами, который сейчас как раз жаловался: его-де чуть было не сшиб на улице «мальчик на пони», когда он мирно направлялся по тротуару на свой лесной склад.

— Чуть было не истоптал меня; скакал прямо по тротуару, свернул на мостовую, промчался по поляне мимо больницы, махнул через изгородь, через другую. Да еще повернулся, сорванец, и крикнул мне, что опаздывает в школу! Я обо всем этом расскажу его старику!

— Да, а папаша его выдаст вам что-нибудь покрепче, что вам даже не понять! — подхватил парикмахер.

Все рассмеялись. Главной жалобой горожан на Скотти было то, что он никогда не пользуется толком проезжей частью улицы.

— Шпарит прямо через дворы, палисадники, аллеи,— подтвердил мистер Стоун, развозчик льда. — И выскакивает из таких закоулков, о которых ты и знать не знаешь. Недавно я

видел, как он вылетел со двора редакции «Гардиан». Как он туда попал, скажите на милость?

— Может быть, через двор магазина скобяных товаров?

— ...и потом он проскочил мимо пожарной команды и вынырнул возле дома, что рядом с Роллсом, агентом по тракторам.

— И главное: вот он здесь, а вот его и след простыл!

Отметим, что во время городского раскола парикмахер был на стороне Скотти, а лесоторговец Джеклин, разумеется, горой стоял за богача Эллисона Айра.

Однажды Скотти застали во дворе типографии «Гардиан»; он рылся в ларе, где попадались куски использованного свинца от набора. Скотти набивал этим добром полные карманы, дома расплавлял свинец, выливал его в небольшую формочку, вставляя в горячий свинец проволочный крючок, и когда все застывало, получались отличные грузила для его удочек.

— Ты чего тут воруешь? — сказал наборщик Филлипс, хватая Скотти за ворот.

Скотти сидел на корточках, не выпуская из руки поводьев Тэффа,— требовалось только сообразить, как освободить воротник рубашки.

— Я не знал, что ворую,— нагловато возразил Скотти и покрепче уперся босыми ногами в землю.

— Еще бы не воруешь! — ворчал наборщик, выпуская из руки ворот нарушителя.

Скотти молниеносно взвился вверх, на спину пони, а Тэфф уже летел вперед, сам зная, что ему полагается делать. Пока Филлипс обернулся, они уже мчались по аллее и исчезли за баптистской церковью.

— Вот чертенок! — сказал наборщик моему отцу, который, проходя мимо, видел все это.

Отец ответил, усмехаясь, что Филлипс, собственно, сам выпустил птицу на волю. Надо ли говорить, что наборщик оказался потом в рядах защитников Скотти!

Боюсь, что, рисуя вот таким Скотти Пири, я рискую впасть в некоторую сентиментальную снисходительность. Но дело в том, что Скотти не был ни до конца хорошим, ни совсем уж плохим. У всех нас, школьников, были свои недостатки, и они объяснялись местными условиями. У Скотти это были бедность отца, заброшенность и никчемность фермы, необходимость вечно быть между зарослями и городом, наконец, врожденное тяготение к проказам, постоянное желание подергать город за его респектабельный хвост. Одно тут помогало другому. Но я никогда не знал за Скотти стремления к мошенничеству, воровству, хотя он и не упускал случая «приобрести» какую-нибудь ничейную мелочь, подвернувшуюся на дороге. У него были отчетливые пристрастия и неприязни в отношении города, но он, например, никогда не делал чего-либо во вред семьям горожан, таким же бедным, как его собственная семья.

Нашу семью он любил, вернее, относился к ней терпимо. Однажды в субботу он появился у наших ворот на неоседланном Тэффе, с двумя большими мешками за спиной. Он въехал во двор, обогнул дом, миновал посадки винограда и через заднюю дверь крикнул звонким, чуть хрипловатым голосом:

— Миссис Квэйл! Это вам от моего отца — немного лошадиного навоза!

Мы в это время завтракали, к тому же отец не терпел грубой манеры выражаться, считая это признаком «деревенщины». Он даже было привстал, задержав в воздухе ложку с омлетом. Но тут рассмеялся мой брат Том, и смеялся до колик. Мать, поднявшись из-за стола, тоже едва сдерживала смех: то, что сказал Скотти, звучало очень искренне и непосредственно. Отец вынужден был промолчать.

— Одну минуту, Скотти,— сказала мать и спросила, сколько она должна отцу Скотти.

— Ничего,— провозгласил Скотти, а когда мать стала настаивать, объяснил, что не может ничего взять: отец так и сказал — ничего! Это Энгус Пири благодарил отца за помощь в суде.

— Куда складывать? — спросил Скотти.

Мать немного подумала:

— Вот туда, к сараю, под грушевое дерево.

Скотти расставался с Тэффом только при самой крайней необходимости. Он и теперь предоставил пони самому найти дорогу среди тщательно ухоженных отцом грядок с овощами. Потом, не слезая, взял мешки, по одному в каждую руку, и попросту высыпал содержимое на указанном месте. Повернув Тэффа так круто, что тот на мгновение поднялся на задние ноги, Скотти проехал среди грядок с такой аккуратностью, с какой кот пролезает через розовый куст. И было самое время: в дверях появился мой отец.

— Что ты тут вытворяешь? — загремел он.

— Ничего, ничего! — откликнулась мать.— Он ничего не повредил.

Мы смотрели затаив дыхание, как пробираются к воротам Скотти с Тэффом — они ведь знали оба, какая может разразиться гроза.

— Не хочешь ли умыться? — спросила у Скотти мать.

— Ни к чему, миссис Квэйл. Я ведь поеду мимо реки.

И Скотти удрал, прежде чем мать смогла предложить ему груш, или слив, или кусок пирога с джемом.

Река была для Скотти баней, а летом — спортивным стадионом. В воде он был таким же, как на суше. Он выскакивал из воды и исчезал в ней, как купающаяся выдра.

Назавтра я увидел его с таким же мешком у дома миссис Томпсон. Она была вдовой, а сын ее Кейт считался самым близким из его друзей. Только временами на Кейта, как выражались горожане, находило помрачение, и ему приходилось неделями сидеть дома. Домик был маленький, деревянный, двухкомнатный, но миссис Томпсон окружила его со всех сторон клумбами фиалок, запах которых доносился до самых окраин города. Кейт уже неделю болел, и Скотти сам рассыпал навоз и притоптал его босыми ногами.

— Ну, Скотти, ты не напрягайся слишком. Не наклоняйся так низко. И не дыши навозом,— говорила миссис Томпсон. Она была уверена, что именно из-за этого заболел ее сын.

— Не беспокойтесь, миссис Томпсон,— отвечал Скотти в своей обычной хмуроватой манере.— Я привык все делать. Или почти все.

Но миссис Томпсон продолжала кружить вокруг него, как курица, и повторять, что те же слова говорил ей Кейт.

На самом деле Кейт был просто эпилептиком, иногда его схватывал припадок на улице или в школе. Тогда он прятался дома за закрытой дверью, стесняясь выходить, пока от мысли, что есть же за стенами дома что-то хорошее, состояние его не улучшалось. И он появлялся неожиданно у речной отмели, или там, где мы ловили рыбу, либо у моста, где мы глазели на гуляющих в воскресенье горожан или жадно следили за игрой в «две монетки».

У Скотти сложились необычные отношения и с другим мальчиком, действительно душевнобольным. Его звали Джекки Хэдмэн. Отец его был агентом шинной фирмы «Мишлэн», и во дворе у них была воздвигнута огромная человеческая фигура с новой шиной в руке, а пьедесталом служила груда старых, изношенных шин. Часть двора была окружена высокой изгородью из проволоки, и Джекки, сын агента, был изолирован за этой изгородью, как в клетке. Он непрерывно метался по ней из угла в угол зимой и летом, совершенно голый. Когда кто-либо проходил мимо двора, Джекки подбегал, хватался за изгородь маленькими, клещеобразными руками, скалил зубы, тряс головой, топал ногами и издавал дикие, нечленораздельные крики.

Это пугало даже самых стойких школьников. Мы наскоро кричали: «Хэлло, Джекки!» — и спешили уйти. А Скотти, возможно, чувствуя в Джекки такого же отщепенца, как он сам, останавливался и заводил с ним разговор даже тогда, когда тот мотал головой, скалил зубы и мычал. Скотти гладил просунутые сквозь проволоку жалкие, кривые пальцы Джекки, осторожно тыкал его в живот, словно дружески поддразнивая. Он старался уговорить Джекки произнести хотя бы одно слово.

— Скажи: Джекки!

Лицо Джекки искажалось страшной судорогой — он не понимал.

— Скажи: я — Джекки! — настаивал Скотти, показывая пальцем на его грудь. Ничего не получалось. Но однажды, когда я стоял у проволоки вместе со Скотти и он вел этот ритуальный «разговор», мне показалось, что на одно какое-то короткое мгновение сквозь безжалостное цепкое безумие, сковавшее мозг Джекки, мелькнул в его глазах какой-то очень слабый, трогательный огонек, словно мальчик, сам тому не веря, ощутил в себе мимолетный проблеск разума. Я понимал, что безнадежно пытаться пробить прочную кору этого безумия, и не придал значения своему смутному впечатлению. Но я все-таки увидел это, да и Скотти, кажется, тоже. И он упорно продолжал свои безнадежные попытки взорвать наглухо замурованную темницу страшной болезни Джекки.

Любопытно, что Скотти ни разу не удалось заставить Тэффа подойти поближе к Джекки. Пони упорно не шел. Он сердился, ожесточенно упирался, когда Скотти пытался его подтолкнуть. Скотти поносил его, называл жалким трусом, что было вообще справедливо. Но Тэфф был лошадью, а не человеком. А у лошадей есть особое чутье на все необычное, и они упрямо не доверяют этому необычному и отшатываются от него. В этом отношении лошади — прирожденные рабы и естественные консерваторы.

Вероятно, в идеале мне хотелось видеть Скотти таким же великодушным, каким он был с несчастным Джекки. Но в городе были десятки мальчишек, которых он дразнил и травил безжалостно. Была у нас такая улица — Вильсон-стрит, обитателей которой он особенно ненавидел. Это была самая богатая улица в городе, но я не думаю, что причина лежала в этом. Просто это была улица, которая диктовала моральные правила всему городу, и поэтому Скотти инстинктивно невзлюбил ее. Впрочем, я не настаиваю на своем объяснении.

Все дома этой улицы были солидными, вместительными и прятались за высокими заборами или живыми изгородями из кипариса и питострума. При них были большие сады с лужайками, пальмами, плодовыми деревьями — обычно апельсинными, с цветочными клумбами. Почти в каждом дворе жил рычащий пес, бегавший вдоль ограды, пока вы проходили мимо.

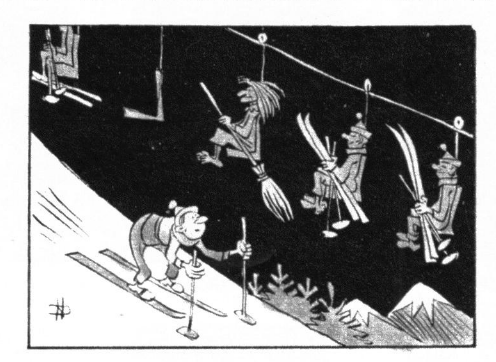
Скотти задумал посчитаться с этими злыми стражами и осуществлял это со всей настойчивостью. Он доводил собак до исступления. Сначала он вызывал в них ярость, потом, не сходя с Тэффа, отодвигал задвижку ворот, приоткрывал их и пускался наутек, увлекая за собой обезумевшего пса. У Скотти была вообще страсть отпирать то, что заперто. Одна из богатых семей, Уинстоны, держала в загоне позади гаража молодого кенгуру. Охранял его косматый эльзасский пес. Скотти выманил собаку на улицу, а сам подъехал к гаражу и выпустил кенгуру. Он довольно долго гонялся за животным среди апельсинных деревьев, пока не заставил его перескочить через ограду на улицу. Но тут Скотти понял, что попал впросак: кенгуру некуда было скрыться! Со всех сторон набежали собаки и с лаем стали наседать на незнакомого зверя. Скотти пришлось загонять кенгуру обратно во двор. Но тут решительно воспротивился Тэфф. И вот уже сбились в пестрый клубок собаки, кенгуру, пони. В конце концов Скотти удалось затолкнуть кенгуру в загон и ускользнуть с Тэффом от всей этой сумятицы. Затеянное Скотти освобождение пленника сорвалось: он натолкнулся на нечто более трудное, чем железные засовы.

Иначе получилось с выпущенным Скотти на волю целым птичником буджеригарий[1], которых было штук сто. Это произошло на той же Вильсон-стрит. Птицы-то хорошо знали, куда им лететь, и прямо потянули с квохтаньем и криками через реку в сторону зарослей. Это было, собственно, нечто вроде мести. Дом принадлежал семье одной школьницы, по имени Клэр Александер. Однажды во время перемены она, приблизив свой нос к Скотти, воскликнула:

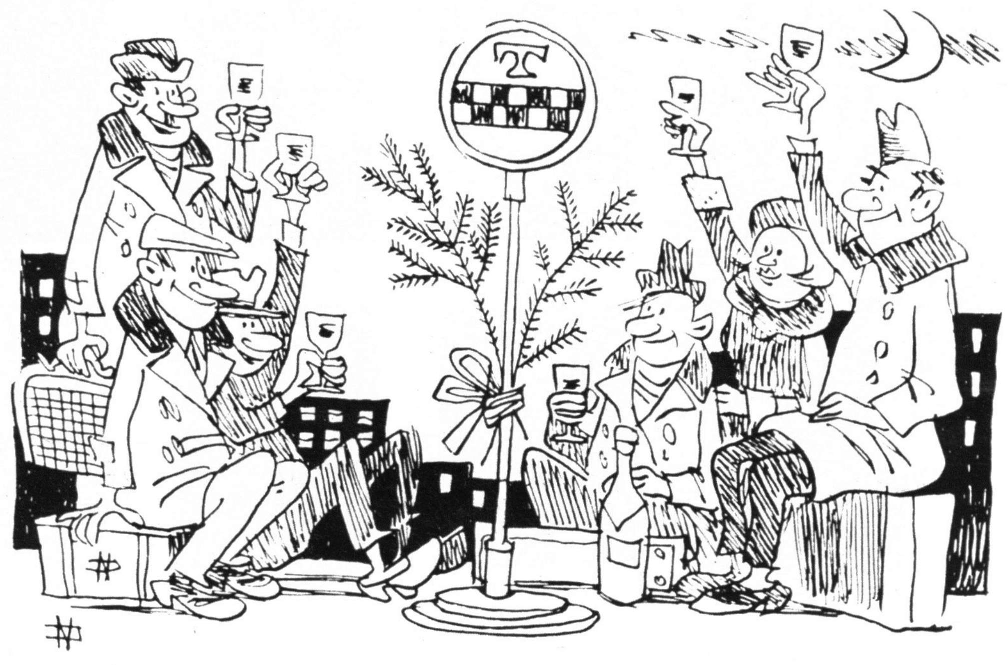
— О боже мой, от тебя пахнет, Скотти Пири. От тебя воняет!

Девочки захихикали, а мальчики стали ждать, что сделает Скотти. Но Скотти только

[1] Австралийская птица.

Техника для всех!

— С Новым годом, друзья!

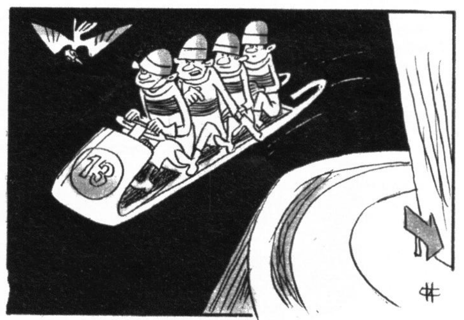

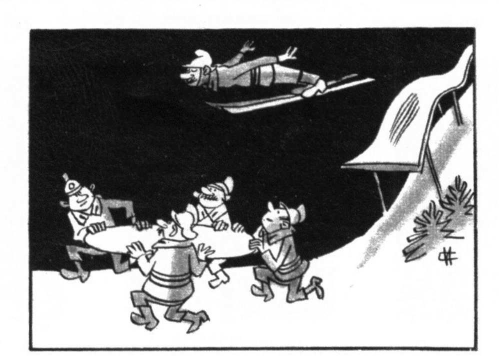
— По последней.

— Хорошо, хоть этого для нашего клуба достал, а то ведь всех расхватали!

— Не отвлекайся! Тут налево!

Чемпион клуба пожарников.

Рисунки И. Сычева.

расстегнул рубашку, понюхал ее, понюхал рукава куртки и только тогда повернулся к Клэр:

— А у твоего старика толстый зад.

— А ты воняешь! — завизжала Клэр. — Ты воняешь!

У Скотти были защитницы и среди девочек, и одна из них, Дорис Даулинг, дочь врача, которая сама была изрядным сорванцом и попадала во всякие переделки, как и Скотти, сказала Клэр, что это скорее от нее дурно пахнет. Но Скотти не нуждался в помощи. От него и вправду пахло сеном, молоком, коровами, лошадью, но это обычный запах ферм, запах австралийской деревни.

— Пахнет коровьими лепешками, — не отставала Клэр. — Ты всегда ходишь по ним. — Она показала на его босые ноги — на ступнях была видна подсохшая грязь.

— Твой папаша, — сказал Скотти, — делает колбасу из дохлых кошек и собак, а ты ее ешь... О боже мой! — И Скотти скорчил постную гримасу.

Отец Клэр был одним из наших мясоторговцев, и Скотти только повторил то, о чем шли пересуды среди горожан. Но Клэр нисколько не была задета этим, и тогда у Скотти созрел план мести. Он назавтра забрался в сад Александера и выпустил его птиц. Отец Клэр не остался в долгу: он учинил форменную охоту за Скотти и Тэффом. В машине он гнал их по всей Главной улице, пока Скотти не приметил лазейку, которой пользовался как-то раньше, и не юркнул в нее на всем скаку. Естественно, что впоследствии мистер Александер выступал в качестве заядлого врага Скотти.

Много было и других проделок, создававших у горожан неблагоприятное представление о Скотти Пири. Но были и различия в суждениях о нем — это зависело от того, исходили ли они от жертв его проделок, или от тех, кто просто ими забавлялся, или, наконец, от людей, жалевших босоногого мальчика из зарослей. Население маленьких австралийских городков зоны зарослей делилось, как и в любом месте земного шара, на имущих и неимущих, либералов и реакционеров, святых и грешников, лицемеров и прямодушных. Поэтому мне нет нужды расширять дальше список тех художеств, которые вытворяли в городе Скотти с Тэффом.

Из всего вышеописанного может создаться впечатление, что Скотти не приходилось рассчитывать на сочувствие или снисхождение богатых. Но это не так: у него и среди богатых были доброжелатели. Одно время в нем принимал участие аптекарь Данкэн, завзятый лошадник. Он даже одолжил Скотти седло, бриджи и ботинки и записал его на состязание пони, назначенное на территории сельскохозяйственной выставки. Но когда в день состязаний выкликнули имя Скотти, его на месте не оказалось. Он вывел Тэффа из конюшни, где седлали пони, и исчез. В последнюю минуту ему вдруг расхотелось скакать на Тэффе перед этой огромной, шумной толпой да еще в костюме жокея. Скотти тут же вернул Данкэну седло, бриджи и прочее и сделал это незаметно: положил на ступеньки черной лестницы его дома и ускакал восвояси.

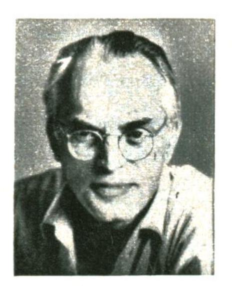
Нельзя сказать, чтобы из-за всех этих передряг не зарождалась в душе Скотти тревога. Он как бы ожидал, что когда-то кто-нибудь внезапно и крепко двинет его в переносицу. Однажды к моему отцу пришел торговец зерном Дормен Уокер и сказал, что просит выхлопотать судебный ордер на привлечение некоего Энгуса Пири за неуплату долга «по поставкам и оборудованию», как сказано в законе. Хотя Дормен Уокер и был клиентом, отец мой отказал ему в составлении иска в суд на предмет описания имущества Энгуса Пири за долги. Он предложил Уокеру самому съездить на ферму и попробовать уладить дело миром, предложив Энгусу уплатить часть долга, хотя бы небольшую. Сам же отец не имел никакого желания помогать Уокеру тащить Энгуса в суд.

Уокеру пришлось поехать на переговоры. Торговец знал, что единственной материальной ценностью на ферме, которую Пири мог еще предложить для частичного покрытия долга, был Тэфф. Сейчас стоимость его возросла до двадцати фунтов. И, кроме того, Тэфф был удивительно красивым маленьким животным.

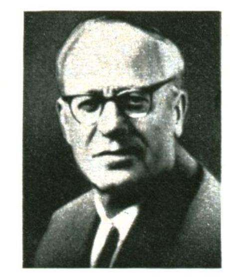
Продолжение следует.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Х. БИДСТРУП

А. БОЧИНИН

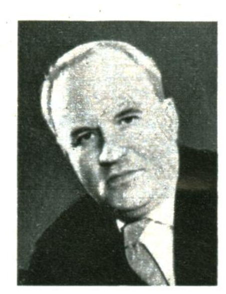

П. БРОВКА

Вл. ВОРОНЦОВ

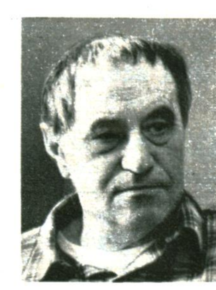

Р. ГАМЗАТОВ

Е. ЕВТУШЕНКО

Ю. ЖУКОВ

Ю. ЗУБКОВ

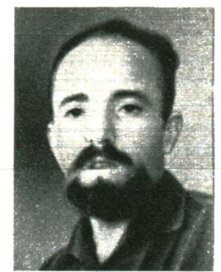

П. КАРАЧЕНЦОВ

В. КАТАЕВ

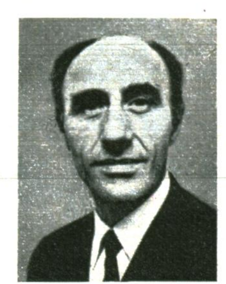

С. КИРСАНОВ

Л. ЛАТЫНИНА

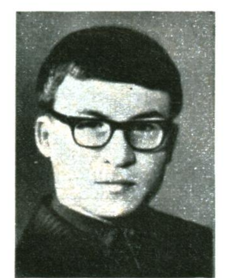

Д. ЛИНДСЕЙ

Ю. ЛУШИН

М. МАГОМЕДОВ

В. МАКАРОВ

И. МАШБАШ

А. НЫСАНАЛИН

Е. ОСЕТРОВ

Н. ПОЛЯНОВ

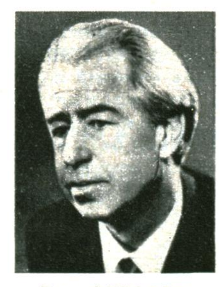

Ю. ПРОКУШЕВ

В. РАЗУМНЫЙ

А. РЕФРЕЖЬЕ

В. СОКОЛОВ

М. ТАНК

Вас. ФЕДОРОВ

Л. ФИЛАТОВ

В. ФИРСОВ

Р. ХАКИМОВ

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1972 ГОД

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1972 года.

В. БЕЛЕЦКАЯ. Очерки: «Год жизни» (№ 4), «Щедрость» (№ 24). Х. БИДСТРУП. Рисунки на международные темы (№ 18). А. БОЧИНИН. За серию черно-белых фотоочерков (№№ 20, 25, 27, 42). П. БРОВКА. Стихи. «Из будущей книги» (№ 50). Вл. ВОРОНЦОВ. Очерк. «Русская Джоконда» (№№ 21, 22). Р. ГАМЗАТОВ. Стихи. «Я думаю о вас...» (№ 29). Р. ГУТТУЗО. Рисунок к первомайскому номеру (№ 18). П. ДАРИЕНКО. Стихи. «Из Москвы к нам свет приходит» (№ 35). Б. ДИМИТРОВА. Очерк: «Через порог детства» (№ 4), «Мое слово свидетеля» (№ 36). А. ДЫМШИЦ. Статья. «Неодолимая сила правды» (№ 46). Е. ЕВТУШЕНКО. Новые стихи (№ 36). Ю. ЖУКОВ. Очерк. «Скандинавская мозаика» (№ 44). Ю. ЗУБКОВ. Статья. «Героический воздух современности» (№ 49). П. КАРАЧЕНЦОВ. Цветная вкладка. «Весенняя песня» (№ 15). В. КАТАЕВ. Шесть рассказов (№№ 27, 28). С. КИРСАНОВ. Стихи. «От самых ранних до самых поздних» (№ 24). Н. КОЗЛОВСКИЙ. Цветное фото. Вкладка, обложка. «Алмаз, который крепче алмаза» (№ 13). Г. КОПОСОВ. Цветное фото. Обложки, вкладки. На Дальнем Востоке. «Встречь солнца...» (№№ 47—49). К. КУЛИЕВ. Стихи. «Горят над нами звезды...» (№ 28). И. КЭБИРЛИ. Стихи. «Открытое сердце» (№ 44). Л. ЛАТЫНИНА.

Р. ГУТТУЗО

П. ДАРИЕНКО

Б. ДИМИТРОВА

А. ДЫМШИЦ

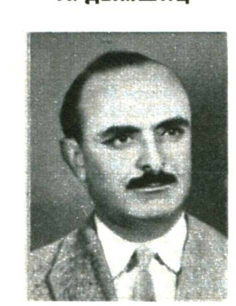
Н. КОЗЛОВСКИЙ

Г. КОПОСОВ

К. КУЛИЕВ

И. КЭБИРЛИ

Д. МЕЙФИЛД

И. МЕСХИ

Ю. НАГИБИН

М. НАГНИБЕДА

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Е. РЯБЧИКОВ

М. САВИН

Т. САЛАХОВ

А. ХАЧАТУРЯН

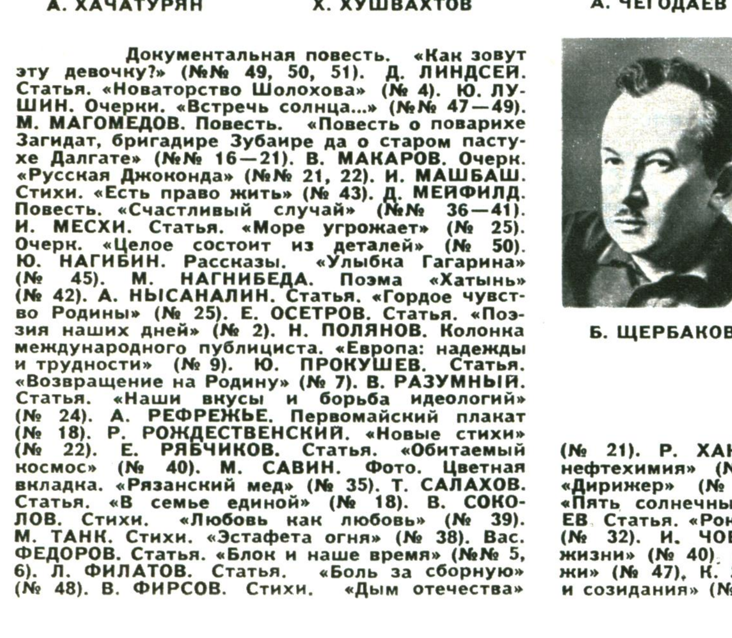
Х. ХУШВАХТОВ

А. ЧЕГОДАЕВ

И. ЧОБАНУ

Документальная повесть. «Как зовут эту девочку?» (№№ 49, 50, 51). **Д. ЛИНДСЕЙ.** Статья. «Новаторство Шолохова» (№ 4). **Ю. ЛУШИН.** Очерки. «Встречь солнца...» (№№ 47—49). **М. МАГОМЕДОВ.** Повесть. «Повесть о поварихе Загидат, бригадире Зубаире да о старом пастухе Далгате» (№№ 16—21). **В. МАКАРОВ.** Очерк. «Русская Джоконда» (№№ 21, 22). **И. МАШБАШ.** Стихи. «Есть право жить» (№ 43). **Д. МЕЙФИЛД.** Повесть. «Счастливый случай» (№№ 36—41). **И. МЕСХИ.** Статья. «Море угрожает» (№ 25). Очерк. «Целое состоит из деталей» (№ 50). **Ю. НАГИБИН.** Рассказы. «Улыбка Гагарина» (№ 45). **М. НАГНИБЕДА.** Поэма «Хатынь» (№ 42). **А. НЫСАНАЛИН.** Статья. «Гордое чувство Родины» (№ 25). **Е. ОСЕТРОВ.** Статья. «Поэзия наших дней» (№ 2). **Н. ПОЛЯНОВ.** Колонка международного публициста. «Европа: надежды и трудности» (№ 9). **Ю. ПРОКУШЕВ.** Статья. «Возвращение на Родину» (№ 7). **В. РАЗУМНЫЙ.** Статья. «Наши вкусы и борьба идеологий» (№ 24). **А. РЕФРЕЖЬЕ.** Первомайский плакат (№ 18). **Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.** «Новые стихи» (№ 22). **Е. РЯБЧИКОВ.** Статья. «Обитаемый космос» (№ 40). **М. САВИН.** Фото. Цветная вкладка. «Рязанский мед» (№ 35). **Т. САЛАХОВ.** Статья. «В семье единой» (№ 18). **В. СОКОЛОВ.** Стихи. «Любовь как любовь» (№ 39). **М. ТАНК.** Стихи. «Эстафета огня» (№ 38). **Вас. ФЕДОРОВ.** Статья. «Блок и наше время» (№№ 5, 6). **Л. ФИЛАТОВ.** Статья. «Боль за сборную» (№ 48). **В. ФИРСОВ.** Стихи. «Дым отечества»

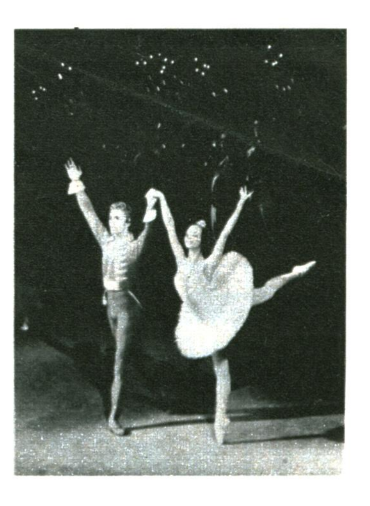

Б. ЩЕРБАКОВ

К. ЯШЕН

(№ 21). **Р. ХАКИМОВ.** Статья. «Моя соседка нефтехимия» (№ 15). **А. ХАЧАТУРЯН.** Очерк. «Дирижер» (№ 12). **Х. ХУШВАХТОВ.** Статья. «Пять солнечных сестер» (№ 31). **А. ЧЕГОДАЕВ.** Статья. «Рокуэлл Кент — человек и творец» (№ 32). **И. ЧОБАНУ.** Статья. «Радуга нашей жизни» (№ 40). **Б. ЩЕРБАКОВ.** Статья. «Куинджи» (№ 47). **К. ЯШЕН.** Статья. «Энергия добра и созидания» (№ 44).

СЧАСТЛИВЫЙ ГОД БАЛЕРИНЫ

Читателям журнала знакомо имя Людмилы Семеняки. Впервые мы представляли ее, лауреата Международного конкурса артистов балета в Москве, в 1969 году. Тогда она еще училась в Ленинградском хореографическом училище, главным в ее танце, пожалуй, была уверенная заявка на будущее... А в 1972 году Людмилу поздравляли в числе лауреатов Всесоюзного конкурса артистов балета, и опять с ее именем связывались не столько категорические профессиональные оценки, сколько надежды на будущее...

Сегодня мы хотим познакомить вас с Людмилой Семенякой — солисткой балета Большого театра.

Прошедший год запомнится ей, наверное, на всю жизнь. Главные партии — в «Лебедином озере» и в «Щелкунчике». Об этом мечтает каждая балерина!.. Ведь танцевать Одетту — Одиллию и Машу значит не просто демонстрировать свою профессиональную выучку. Надо донести до зрителя всю огромную внутреннюю жизнь, всю духовную наполненность этих прекрасных образов русской сцены, вложить в них свое сердце. Вот здесь-то иногда и терпят фиаско молодые исполнительницы, либо чрезмерно полагаясь на виртуозность, либо, напротив, из-за творческой робости, нерешительности...

Людмила Семеняка и в «Лебедином озере» и в «Щелкунчике», используя совершенно разные, часто несравнимые стилистические приемы, стремится донести до зрителя свою веру в неизбежную победу чистоты чувств, доброты и скромности.

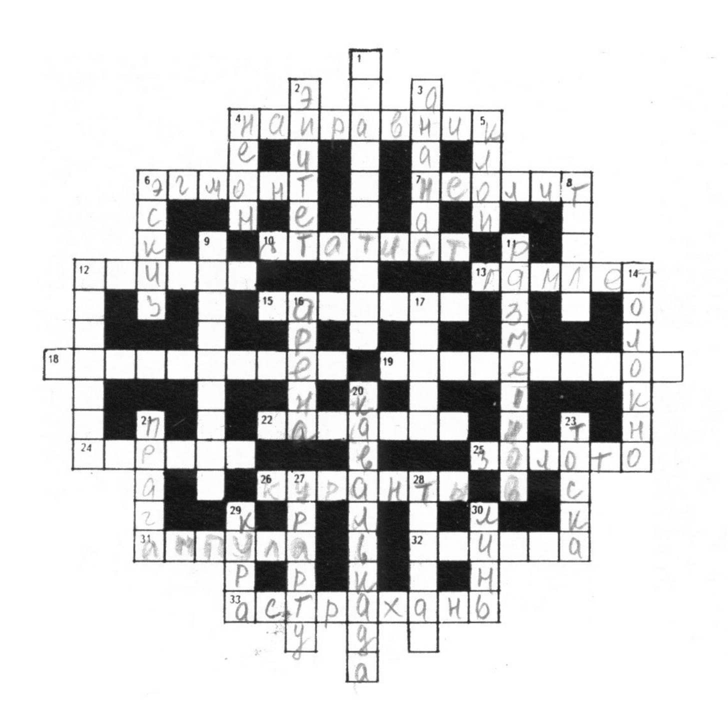
Именно так: «скромная доброта» — хочется назвать главную черту героинь Семеняки. Не застенчивость, не боязнь, которые могут принизить поэтический образ, а целомудрие, скромность, полные большого внутреннего достоинства, дают силу Одетте и Маше в их борьбе за счастье.

О своем дебюте в «Лебедином озере» балерина вспоминает, удивляясь: «Ни перед спектаклем, ни во время действия я не волновалась нисколько. Только счастлива была безмерно, что танцую. А на следующее утро проснулась и вдруг так перепугалась, что целый день не могла ни рукой, ни ногой шевельнуть...»

Когда начинаешь говорить с Людмилой о ее работе, о театре, она сразу же уточняет: «Главное то, что со мной занимается Галина Сергеевна Уланова. Это — счастье, которое раньше мне даже не снилось... Она учит меня всему: жизни, танцу, трудолюбию, отношению к искусству. И никогда не диктует: мол, это нужно,— а всегда умеет сделать так, что мысль, движение, эмоция проходят через меня, становясь моими собственными... Галина Сергеевна на репетициях никогда не работает за меня, только со мной и никогда не дает успокаиваться».

В Новом году обычно любят говорить о планах. Для Людмилы Семеняки они просты и лаконичны: «Хочу танцевать — как можно больше и как можно лучше».

О. САХАРОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Автор оперы «Дубровский». 6. Драма Гете. 7. Позднейшая эпоха каменного века. 10. Участник массовых сцен. 12. Советский конструктор авиадвигателей. 13. Трагедия Шекспира. 15. Сорт хрусталя. 18. Порода собак. 19. Русский исследователь Дальнего Востока, адмирал. 22. Горный массив на Южном Урале. 24. Печатный шрифт. 25. Металл. 26. Часы, бой которых сопровождается музыкой. 31. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 32. Литовский писатель. 33. Областной центр в РСФСР.

По вертикали: 1. Раздел лингвистики. 2. Образное определение. 3. Тропический плод. 4. Химический элемент. 5. Пьеса В. Маяковского. 6. Предварительный набросок. 8. Многократное быстрое чередование двух смежных звуков. 9. Цветок. 11. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 12. Пушной зверек. 14. Овсяная мука. 16. Площадка для цирковых представлений. 17. Порт в Югославии. 20. Группа всадников. 21. Столица социалистического государства. 23. Опера Д. Пуччини. 27. Древнейшее государство, существовавшее на территории СССР. 28. Итальянский живописец. 29. Река в Закавказье. 30. Пресноводная рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 5. «Тачанка». 7. Гайка. 8. Рулет. 9. «Декамерон». 12. Дамаск. 14. Дюшес. 16. Краков. 18. Палеолит. 19. Рапсодия. 20. Карболит. 22. Батальон. 23. Роллан. 25. Озеро. 26. Гамбит. 30. Ломоносов. 31. Копра. 32. Рожок. 33. Каретка.

По вертикали: 1. Стайер. 2. Парамушир. 3. Картон. 4. Папаха. 6. Мережа. 10. Карабанов. 11. Полифония. 13. Слобода. 14. «Детство». 15. Серебро. 17. Рассада. 21. Змееносец. 24. Линкор. 27. Матлот. 28. Монако. 29. Сократ.

На первой странице обложки: Фотокомпозиция Г. Макарова.

На последней странице обложки: Людмила Семеняка и Вячеслав Гордеев в балете «Щелкунчик». Фото Е. Умнова.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/XII-72 г. А 00767. Подп. к печ. 26/XII-72 г. Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 20. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 3910.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Юрий БЛАГОВ

Пельмени

Не красна изба углами,
Красна пирогами.

В четвертом доме от угла,
Вблизи орудовского знака,
У нас пельменная была
Невзрачной внешности... Однако
Не знал таких пельменей свет,—
В ней дело делая родное,
Сплетали в лакомый букет
Говяжье мясо и свиное.
Пельмени, млея от забот
И от опеки неустанной,
В итоге сами лезли в рот,
С бульоном, с маслом, со сметаной.
И раздавался хор похвал
Людей, отведавших пельмени.
«У вас — как дома побывал!»—
Писал приезжий из Тюмени.
Но зданье с крышей набекрень
Напоминало деревушку,
И приказал «Союзпельмень»
Усовершенствовать старушку.
И приняла отличный вид
Теперь пельменная воочью:
«Добро пожаловать!» — вопит
Модерной вязью днем и ночью.
В ней варьете ввели, и вот,
Таща пельмени к Мельпомене,
Слепили фирменный фокстрот
«Маруся кушает пельмени».
Пленил пельменщиков размах,
И стали минимум на тонну
Свою продукцию (в мешках)
Сбывать на экспорт (по району).
Но от побочных дел да плюс
Несогласованностей массы
Приобрели пельмени вкус
Не то травы, не то пластмассы.
И опустел пельменный храм,
Хотя и выглядит кричаще...

. . . .

Полезно вдумываться нам
В свои пословицы почаще!

ЧТО У ВАС НОВОГО?

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ВОЛГУ

Г. ПОЛЮШЕНКО,
заведующий отделом
строительства
Ярославского обкома КПСС

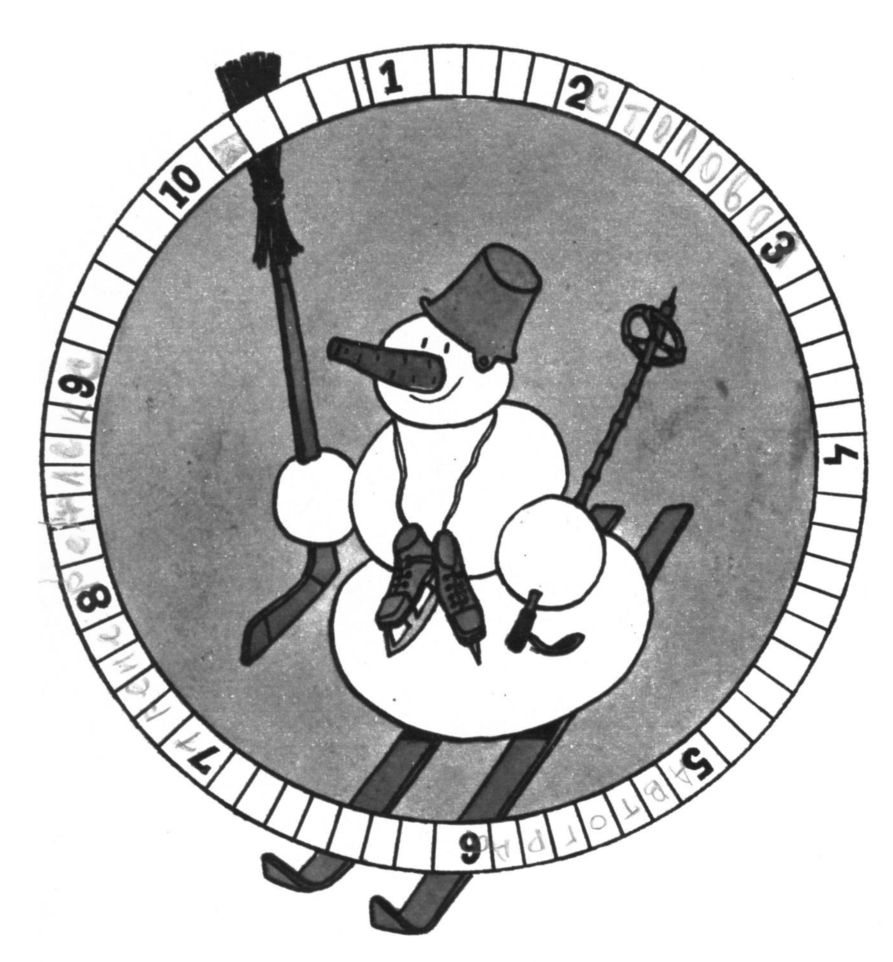

Все знают, что от Москвы до Владивостока почти 10 тысяч километров. А где самое «узкое» место длиннейшего в мире железнодорожного пути? Где диспетчеры сбивались с ног, стараясь вовремя пропустить составы? Где поезда все же задерживались, вызывая раздражение встречающих? Увы, все это происходило в центре Ярославля у железнодорожного моста через Волгу, сооруженного еще шестьдесят лет назад.

Наконец мы решили построить новый мост. Стóит он, сами понимаете, немало. Да и времени надо не один год... Решили заодно проверить прочность «старика». И тут оказалось: его опоры настолько мощные, что на них можно уложить вторую ветку. Представляете, какая экономия! Не надо вести подводных работ, не надо возводить «быки», сооружать волнорезы...

Одним словом, специалисты разработали проект, воронежцы сделали фермы, а ярославский мостоотряд претворил проект в жизнь. Причем движение транспорта не прекращалось ни на минуту. И вот скоро составы пойдут и по второй ветке.

Так что, если теперь какой-нибудь поезд из Сибири придет в Москву с опозданием, мы здесь ни при чем и жалобы пассажиров принимать не будем.

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник В. Тильман.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

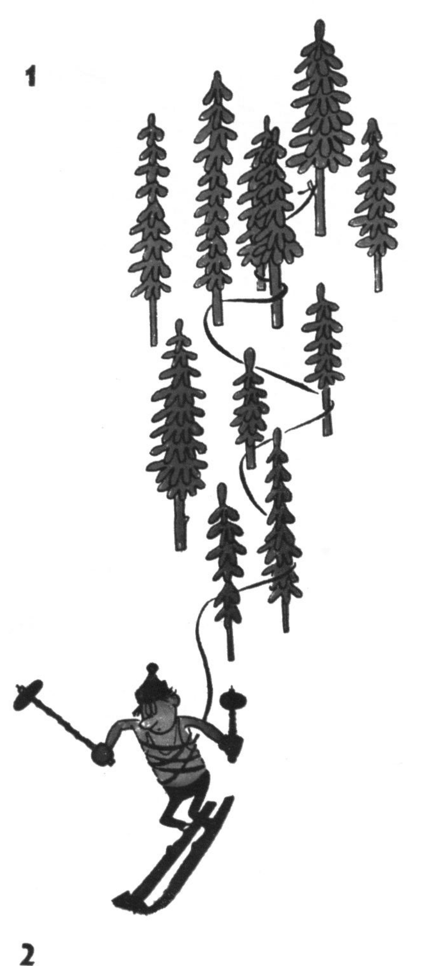
ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

1. Обоз. 2. Задача. 3. Автостоп. 4. Паром. 5. Мираж. 6. Жара. 7. Абордаж. 8. Жажда. 9. Автотурист. 10. Тормоз.

Первыми правильные ответы праслали: А. В. Зубкова, семья Жупиковых, И. А. Уртминцев, А. Д. Качан, С. В. Климачев, А. В. Кукушкин, Н. И. Вольвач, Е. С. Новохацкий, В. И. Колисниченко, супруги Вивдич, Н. С. Цуренко, П. Шулянов, Г. В. Шидловский, Л. Мухаметжанов, А. и Т. Рогозник, Л. П. Кежина, Э. М. Демичев, М. С. Мосин, Г. Н. Соколов, супруги Гунько, Н. М. Тихий, А. Г. Филиппов, Л. А. Лорай, Ю. С. Фиалкин, В. А. Курганский, В. В. Угрюмов, Н. Сенин, М. М. Шутов, Н. В. Ширкин, Ю. С. Рысич.

ИЗОЧАЙНВОРД «ЗИМА»

1

2

3

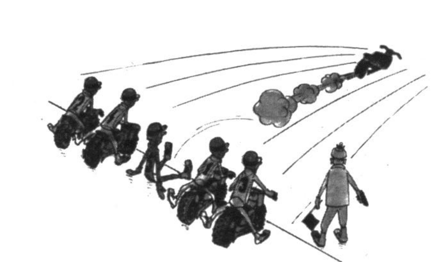
4

5

6

7

8

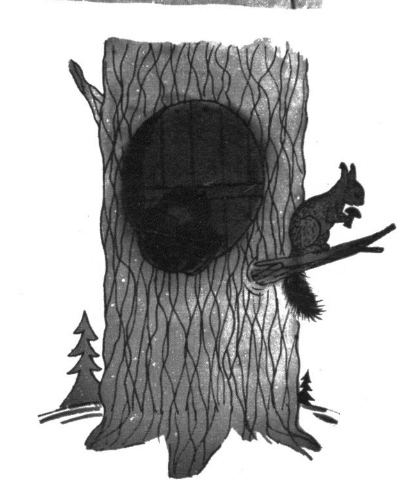

9

10

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663